Море спокойствия

Автор:
Катя Миллэй

Море спокойствия

Катя Миллэй

Young Adult. Бестселлеры романтической прозы

Несколько секунд навсегда изменили жизнь Насти: она стала тенью той девушки, которой была раньше. Другой город, новый дом и абсолютное одиночество – лучшие способы сбежать от прошлого. Однако Насте с трудом удается оставаться наедине с собой, ведь все ее мысли занимает человек, который закрылся от окружающих так же, как и она сама.

Смерть стала спутником Джоша: она забрала всех его родных. Отгородившись от мира, юноша живет не замечая других людей. Но только не ее. Настя стала новым солнцем для Джоша и подарила смысл его существованию.

Когда Джош готов признаться девушке в своих чувствах, Настя внезапно исчезает. Сумеет ли он узнать секреты девушки, подарившей ему любовь, прежде чем потеряет ее навсегда?

Катя Миллэй

Море спокойствия

В память о моем отце —

это он мне так сказал.

Я ненавижу свою левую руку. Ненавижу смотреть на нее. Ненавижу, когда она цепенеет и дрожит, напоминая мне о том, что моей личности больше нет. Но все равно продолжаю сверлить ее взглядом: ведь помимо прочего она напоминает о том, что я хочу найти парня, лишившего меня всего. Я убью того, кто убил меня, и сделаю это левой рукой.

Глава 1

Настя

Умерев однажды, ты уже не считаешь смерть чем-то ужасным.

А я умерла.

И теперь смерти не боюсь.

Я боюсь всего остального.

* * *

Август во Флориде означает три вещи: жару, удушливую влажность и школу. Школа. Я не ходила в школу больше двух лет. Если не считать обучение на дому, за кухонным столом, под маминым чутким руководством. Сегодня пятница. Моя учеба в выпускном классе начинается в понедельник, а я еще не подала документы. Если не сделаю этого сегодня, то в понедельник утром останусь без расписания, и придется забирать его в офисе администрации. Тогда, боюсь, мое появление в школе станет походить на сцену из дурацких фильмов 80-х, где я в первый учебный день вхожу в класс позже остальных и все ученики, замерев и оторвавшись от своих дел, смотрят на меня во все глаза. Пусть это и не самое ужасное, что со мной происходило в жизни, но приятного все равно мало.

Вместе с тетей мы въезжаем на парковку старшей школы Милл-Крик, типичного учебного заведения. За исключением отвратительного цвета стен и названия на вывеске, она является точной копией той, где я училась в последний раз. Марго – та просила не называть ее тетей, поскольку из-за этого чувствует себя старой – заглушает радио, которое всю дорогу орало на полную катушку. К счастью, поездка была недолгой: от громких звуков мне становится не по себе. Меня раздражает не столько сам звук, сколько его громкость. За громкими звуками нельзя расслышать тихие, а ведь именно их стоит опасаться. Сейчас же они не слишком меня беспокоят, потому что мы сидим в машине – обычно в машинах я чувствую себя в безопасности. Но снаружи – совсем другое дело. Снаружи мне никогда не бывает спокойно.

– Твоя мама ждет, что ты ей позвонишь, как только мы здесь закончим, – говорит мне Марго. Мама ожидает многого из того, что ей никогда не получить. Естественно, по сравнению со всем остальным телефонный звонок не самая большая просьба, но это не значит, что он состоится. – Или на худой конец отправь ей сообщение. Всего четыре слова. «Я записалась. Все хорошо». А если уж совсем расщедришься, можешь поставить в конце счастливую рожицу.

Я бросаю на нее косой взгляд со своего пассажирского места. Марго младше моей матери на целых десять лет. Она ее полная противоположность практически во всех смыслах. И даже внешне на нее не похожа, а это значит, что между нами тоже сходства нет, потому что я – абсолютная копия ее сестры. У Марго темно-русые волосы, голубые глаза и вечный загар, которого она добивается благодаря дневному сну у бассейна после ночной рабочей смены, хотя ей, как медсестре, должно быть известно, как это неполезно. У меня же, напротив, мертвенно-бледная кожа, темные карие глаза и длинные, почти черные вьющиеся волосы. Моя тетя выглядит так, словно сошла с рекламного плаката солнцезащитного крема, а я – будто только что вылезла из гроба. Ни один человек в жизни не примет нас за родственников, а ведь это один из немногих правдивых фактов обо мне.

На ее лице мелькает дерзкая ухмылка: даже если ей и не удалось убедить меня в необходимости успокоить маму, то во всяком случае она вселила в меня легкое чувство вины. Марго, как ни старайся, просто невозможно не любить, и эта особенность заставляет меня тихонько ненавидеть ее, поскольку я никогда не буду относиться к числу людей, испытывающих к ней неприязнь. Она приняла меня у себя не потому, что мне некуда пойти, а потому, что я больше нигде не могу находиться. К счастью для нее, видеть она меня будет мельком: как только

начнется школа, мы редко когда будем оказываться дома в одно время.

И все равно, лично мне кажется сомнительным, что одинокая женщина тридцати с лишним лет больше всего на свете мечтает приютить у себя угрюмую, озлобленную девочку-подростка. Я уж точно не стала бы этого делать. Но меня и хорошим человеком не назовешь. Наверное, по этой причине я сломя голову сбежала от тех, кто любит меня больше всего. Если мне представится случай побыть одной, я им воспользуюсь. С большим удовольствием. Я предпочту быть одна, чем притворяться, что со мной все в порядке. А они мне такой возможности не дадут. Вот почему я решила остаться с тем, кто любит меня по крайней мере не так сильно. За это я благодарна Марго, хотя и не сообщаю ей об этом. Я вообще ничего не говорю.

В главном офисе, куда я захожу, царит невообразимая суматоха. Со всех сторон доносятся телефонные звонки, гул ксероксов и голоса. К стойке регистрации тянутся три очереди. Я не знаю, в какую встать, поэтому в надежде на лучшее выбираю ту, что ближе к двери. Но тут ко мне протискивается Марго, мгновенно хватает меня за руку и тащит мимо всех очередей прямо к секретарю. Ей еще повезло, что я увидела ее заранее, иначе она, стоило бы ей прикоснуться ко мне, уже лежала бы лицом на полу, прижатая моим коленом.

– У нас назначена встреча с директором школы, мистером Армором, – властным тоном сообщает Марго, напуская на себя вид ответственного взрослого. Сегодня она выступает в качестве моей мамы. Но поскольку своих детей у нее нет, такая манера поведения ей не слишком знакома. Обычно ко мне обращена ее другая сторона – Марго предпочитает роль классной тетушки. Честно сказать, о предварительно назначенной встрече я даже не догадывалась, хотя сейчас понимаю всю разумность такого решения. Секретарша, неприятная женщина лет пятидесяти, взмахом руки отправляет нас к двум стульям возле закрытой двери из темного дерева.

Ждем мы всего несколько минут, и за это время ни одна душа не замечает и не узнает меня. Как же приятно быть безликой. Только неизвестно, как долго это продлится. Я окидываю себя взглядом. Для сегодняшней встречи я не стала наряжаться. Думала, мы просто зайдем в кабинет, заполним документы, передадим данные о прививках, и на этом все закончится. Я не ожидала, что встречу толпу учеников, наводнивших офис. На мне джинсы и черная футболка с треугольным вырезом: и то и другое немного – ладно, много – сильнее, чем это нужно, облегает фигуру, но в остальном ничем не примечательно. А вот к

выбору обуви я подошла основательно. Черные туфли на высоченных шпильках. Двенадцать сантиметров безумия. Я ношу их не ради высоты, хотя роста мне явно не хватает, а скорее для большей эффектности. Надела их только потому, что требовалась тренировка. Мне уже лучше удается держать равновесие, но практика все равно лишней не будет. Не хотелось бы в первый же день учебы выставить себя дурой.

Я поглядываю на настенные часы. Дрожь секундной стрелки отдается в голове, хотя я никак не могу расслышать ее тиканье за общим гвалтом. Мне хочется заглушить шум во всей комнате. Он сбивает меня с толку. Слишком много звуков раздается одновременно, и мозг пытается их разделить, разложить по маленьким аккуратным кучкам, но из-за сливающегося воедино гула устройств и голосов сделать это практически невозможно. Я сжимаю и разжимаю ладонь, лежащую на коленях, и надеюсь, что скоро нас пригласят в кабинет.

Через несколько минут, показавшихся мне часом, тяжелая деревянная дверь открывается, и на пороге появляется мужчина лет сорока в галстуке, не подходящем к рубашке. Он одаривает нас радушной улыбкой, приглашает войти, а после садится обратно за стол, в огромное кожаное кресло. Внушительных размеров рабочий стол кажется чересчур большим для такого кабинета. Очевидно, вся мебель здесь призвана устрашать, в отличие от самого хозяина. Мужчина не успевает произнести и пары слов, а уже кажется мне добряком. Надеюсь, я права, поскольку он мне еще пригодится.

Я устраиваюсь в одном из кожаных бордовых кресел напротив стола мистера Армора. Марго садится в соседнее и сразу пускается в объяснения. Несколько минут я слушаю, как она рассказывает ему мою «уникальную ситуацию». Уникальная, не то слово. Когда тетя углубляется в детали, взгляд мужчины обращается ко мне. Он внимательно приглядывается, и его глаза слегка округляются – я замечаю в них искру узнавания. Да, это я. Он меня помнит. Отъехала бы я чуть дальше, ничего бы этого не понадобилось. Мое имя ничего бы не говорило, а лицо и подавно. Всего два часа езды отделяют меня от места побега: стоит одному человеку сопоставить факты, как я вновь вернусь туда, где была. Мне нельзя рисковать, и поэтому сегодня мы здесь, в кабинете мистера Армора, за три дня до начала учебного года. Практически в последнюю минуту. Но это уже не моя вина. Родители до самого конца противились моему переезду и в конечном счете сдались. Возможно, за это стоит поблагодарить Марго. Но и то, что я разбила сердце отцу, сыграло не последнюю роль. Да и к тому же все, наверное, просто устали.

Я уже не слежу за ходом разговора и рассматриваю кабинет Армора. Интересных вещей не так много: пара горшков с цветами, которые не мешало бы полить, и несколько семейных фото. На стене – диплом Мичиганского университета. Кстати, зовут его Алвис. Хм. Что за дурацкое имя? Вряд ли оно что-то означает, но позже надо обязательно посмотреть. Пока я перебираю в голове возможные варианты происхождения имени, Марго достает папку и протягивает ее директору.

Медицинские записи. Целая стопка.

Мужчина принимается изучать бумаги, а в это время мое внимание привлекает стоящая на его столе допотопная металлическая точилка с ручкой. Мне это кажется странным. Роскошный, дорогой стол из вишневого дерева, не чета тем дрянным однотипным столам, за которыми сидят учителя. Зачем кому-то ставить на него такую древность? Непонятно. Это же явное несоответствие. Жаль, нельзя поинтересоваться. Между тем я разглядываю регулируемые отверстия точилки, куда вставляют карандаши, и лениво размышляю, влезет ли туда мой мизинец. Представляю, как больно будет его заточить, сколько крови прольется, когда слышу изменения в голосе мистера Армора.

– Совсем? – нервно переспрашивает он.

– Совсем, – с напускной серьезностью подтверждает Марго.

– Ясно. Что ж, мы постараемся сделать все возможное. Я прослежу, чтобы к понедельнику все учителя были в курсе. Она уже заполнила заявку на желаемые факультативные предметы? – Тут разговор, словно часовой механизм, изменяется: директор начинает говорить обо мне так, будто меня нет в кабинете. Марго отдает ему заполненную форму, он быстро просматривает ее. – Я отнесу ее в методический отдел, и к утру понедельника для нее составят расписание. Не обещаю, что все выбранные предметы будут доступны. Большинство классов к этому времени уже сформированы.

– Понимаю. Уверена, вы сделаете все, что в ваших силах. Мы очень благодарны вам за содействие и, разумеется, надеемся на вашу тактичность, – добавляет Марго. Похоже на предупреждение. Умница, Марго. Хотя в его случае оно было и не обязательно. Мне кажется, мистер Армор искренне хочет помочь. К тому же в моем присутствии ему становится неуютно, а значит, он постарается

пересекаться со мной как можно реже.

Мужчина провожает нас до двери, пожимает руку Марго и едва уловимо кивает мне: его натянутая улыбка полна то ли жалости, то ли презрения. Затем он быстро отводит глаза. Вместе с нами мистер Армор выходит в суматошную приемную и, попросив пару минут подождать, удаляется с моими документами по коридору, в сторону методического отдела.

Я окидываю взглядом помещение и вижу: несколько человек, что я заметила раньше, по-прежнему стоят в очереди. Мысленно благодарю Бога, который еще верит в меня, за существование предварительной записи. Я скорее предпочту вылизать языком туалетную кабинку, чем еще минуту провести в этой какофонии. Мы стоим у стены, как можно дальше ото всех. Все стулья заняты.

Я перевожу взгляд на начало очереди, где какой-то Кен с темно-русыми волосами пытается своей томной улыбкой обворожить нашу сидящую за стойкой мисс Нелюбезность. Под воздействием его чар женщина заметно потеплела и теперь вся светится. Но тут ее нельзя винить. Ведь он из разряда тех красавчиков, в присутствии которых все самоуверенные дамы растекаются бесполезными глупыми лужицами. Я напрягаю слух, чтобы уловить их разговор. До меня долетают отдельные слова: про какую-то должность помощника. Ясно, очередной ленивый придурок. Парень склоняет голову набок и что-то говорит, отчего мисс Нелюбезность со смехом кивает. По всей видимости, он добился своего. Я замечаю в его взгляде перемену. Он тоже это знает. Я почти впечатлена.

Пока красавчик ждет своей очереди, дверь в приемную снова распахивается, и на пороге появляется симпатичная девчонка невротического склада. Ее взгляд скользит по толпе людей и останавливается на нем.

– Дрю! – восклицает она, перекрикивая шум. Все головы поворачиваются к ней, но она не замечает повышенного внимания. – Я не собираюсь весь день торчать в машине! Идем! – Девушка сверлит его сердитым взглядом, а я в это время рассматриваю ее. Волосы такого же, как у парня, светлого оттенка, только более выгоревшие, словно она все лето провела на солнце. Привлекательная во всех смыслах внешность. На ней подчеркивающий округлости розовый топ с бретелькой на шее и точь-в-точь подобранная по тону сумочка от «Коуч». Ее возмущение, похоже, лишь забавляет его. Должно быть, его подружка. Да уж, два сапога пара. Обворожительный Кен идет в комплекте с раздражительной

принцессой Барби: недосягаемые пропорции фигуры, дизайнерская сумочка и недовольная гримаса прилагаются!

Парень вскидывает указательный палец, давая ей понять, что скоро освободится. Будь я на его месте, показала бы другой палец. От этой мысли я фыркаю от смеха. А когда поднимаю голову, встречаюсь с ним взглядом: он тоже ухмыляется мне, в его глазах пляшут озорные огоньки.

Мисс Нелюбезность позади парня что-то быстро черкает на его бланке, подписывает внизу. После этого протягивает ему лист, но он по-прежнему не сводит с меня глаз. Выгнув брови, я кивком указываю на нее. Не хочешь забрать то, за чем пришел? Он разворачивается, забирает из ее рук листок и, поблагодарив, подмигивает ей. Симпатичный парень подмигивает офисной сотруднице климактерического возраста! И делает это с такой неприкрытой откровенностью, что вызывает у меня восхищение. Ну, почти. Женщина вновь качает головой и отправляет его на выход. Недурно сыграно, Кен, совсем недурно.

Все то время, пока я наблюдаю за разворачивающейся на моих глазах сценой, Марго тихонько общается с какой-то женщиной – полагаю, методистом. Дрю, которого мне упорно хочется называть Кеном, никуда не торопится: он все еще топчется у двери и болтает с двумя парнями, стоящими в конце очереди. Уж не специально ли он пытается разозлить Барби? У него это легко получается.

– Идем. – Возникшая рядом со мной Марго ведет меня на выход.

– Подождите! – окликает нас пронзительный женский голос, не успеваем мы дойти до двери. Все дружно оборачиваются к женщине, которая папкой машет в мою сторону. – Как правильно произносится ваше имя?

– На-стя, – проговаривает по слогам Марго, и я внутренне сжимаюсь, отчетливо ощущая на себе всеобщее внимание. – Настя Кашникова. Это русское имя. – Последние слова она уже с довольным видом бросает через плечо. После этого мы, сопровождаемые заинтересованными взглядами, выходим за дверь.

Только когда мы подходим к машине, тетя с облегчением выдыхает и заметно расслабляется, вновь превращаясь в знакомую мне Марго.

– Ну вот, одно дело улажено. Пока что, – добавляет она и расплывается в своей широкой ослепительной улыбке. – По мороженому? – предлагает она. Судя по тону, сейчас оно ей нужно больше, чем мне. Я улыбаюсь, потому что даже в половине одиннадцатого утра ответ на этот вопрос может быть только один.

Глава 2

Джош

Понедельник, 7.02 утра. Бессмысленный день. Вот что сегодня меня ждет – такими будут и остальные 179 дней в школе. Будь у меня сейчас время, я бы поразмышлял над их бесполезностью, но его у меня нет. И без того опаздываю. Я заглядываю в постирочную и достаю пару вещей прямо из работающей сушилки. Вчера вечером забыл ее включить, а сегодня мне некогда ждать. Так что приходится натягивать влажные джинсы на ходу, при этом пытаясь в них не запутаться и не грохнуться на пол. Хотя это будет неудивительно.

Достаю из шкафчика кружку, наливаю кофе, стараясь не пролить его на себя и не обжечься. Затем ставлю ее на кухонный стол рядом с коробкой из-под обуви, полной пузырьков с рецептурными лекарствами. В эту минуту из своей комнаты появляется дед. Со своими взъерошенными седыми волосами он напоминает мне безумного ученого. Несмотря на то что передвигается он пугающе медленно, предлагать ему помощь даже не стоит пытаться. Он этого терпеть не может. Раньше у него было полно сил, а теперь нет, и он очень остро переживает эту потерю.

– Кофе на столе, – говорю я и, хватая ключи, направляюсь к двери. – Твои таблетки я разложил и все записал. Билл придет через час. Ты точно справишься один?

– Я не инвалид, Джош, – чуть ли не рычит на меня дед. Я сдерживаю улыбку. Злится. Это хорошо. Значит, все более-менее нормально.

В считаные секунды я запрыгиваю в свой пикап и вылетаю на дорогу, хотя вряд ли это сильно поможет. Мой дом расположен недалеко от школы, но в первый учебный день из желающих попасть на парковку всегда образуется затор. Конечно, сегодня большинство учителей на мое опоздание посмотрят сквозь пальцы, так что мне нечего беспокоиться – после уроков не оставят. Я вдавливаю педаль газа в пол и уже через несколько минут занимаю очередь на стоянку. Вереница из машин тянется до самой дороги, но хотя бы не стоит на месте и время от времени движется вперед.

Сегодня я спал всего четыре часа и теперь держусь исключительно на одной чашке кофе. Жаль, не было времени прихватить с собой еще стакан. Впрочем, пока доехал бы до школы, все расплескал.

Чтобы не терять времени зря, я достаю расписание и снова просматриваю его. Труд стоит четвертым уроком – хорошо, что не в конце дня. Остальные предметы меня не волнуют.

Наконец я оказываюсь на территории школы. Дрю, как обычно, блистает в компании своих неизменных обожателей: потчует их многочисленными байками о проведенном лете. Я-то знаю, что все они – выдумка, потому что большую часть лета он тусовался со мной, и мы уж точно не занимались всей этой ерундой. Когда он не пропадал с очередной девчонкой, то просто валялся у меня дома на диване.

Глядя на него сейчас, понимаю: никто так, по-моему, не рад возвращению в школу, как он. Так и хочется закатить глаза. Но поскольку привычка эта чисто девчачья, я просто смотрю вперед, продолжая идти. Когда прохожу мимо него, он приветствует меня кивком, я отвечаю ему тем же. Поговорю с ним позже. Дрю знает, что я не стану к нему подходить, если он не один. Больше никто меня не узнает, и я, протискиваясь сквозь толпу, оказываюсь во внутреннем дворе, в эту минуту звенит первый звонок.

Первые три урока ничем друг от друга не отличаются. Я только и делаю, что выслушиваю правила, знакомлюсь с учебным планом и стараюсь не уснуть. За эту ночь дед вставал раз пять, а вместе с ним вставал и я. Мне очень нужно больше спать. «Через недельку выспишься», – с горечью думаю я, но быстро прогоняю эту мысль прочь.

10.45. Первый обеденный перерыв. Лучше бы я сразу пошел на урок труда. Не могу есть в такую рань. Я выхожу во двор и устраиваюсь на спинке самой дальней скамейки, где неизменно сижу последние два года. Тут меня никто не трогает, потому что проще не замечать моего существования. Эти полчаса я бы предпочел подметать опилки, чем сидеть здесь, только опилок пока нет. По крайней мере, сейчас еще рано, и металлическая скамейка не успела раскалиться под солнечными лучами. Теперь мне предстоит переждать следующие тридцать минут – наверное, самые длинные за день.

Настя

Выживание. Именно этим я сейчас и занимаюсь, хотя в остальном все не так ужасно, как могло быть. Я ловлю на себе косые взгляды – скорее всего из-за своего наряда, – но заговаривать со мной никто не спешит. За исключением Дрю, напоминающего мне куклу Кена. Как раз столкнулась с ним сегодня утром, только из этой встречи ничего путного не вышло. Он что-то говорил. Я просто шла. В итоге он отстал. И вот я дожила до обеденного перерыва – настоящего испытания. До сих пор возможности пообщаться ни у кого не было, и мне удавалось оставаться незамеченной, но в обед начинается какой-то неконтролируемый ад. Поначалу решение не ходить в столовую казалось мне самым подходящим, а потом пришло осознание: рано или поздно все равно придется столкнуться с чужими взглядами и перешептываниями. Честно говоря, я предпочла бы воткнуть себе в задницу кактус, но это не вариант, так что нужно сорвать этот пластырь одним махом и покончить со всем. Потом найду какой-нибудь пустой туалет, чтобы поправить прическу и макияж – одним словом, как говорим мы, трусы, спрячусь.

Я незаметно проверяю, как на мне сидит одежда: не съехало ли чего, обнажив больше, чем задумывалось. Сегодня на мне те же туфли, что были в пятницу, но надела я их к черному топу с глубоким вырезом и максимально короткой юбкой, которая неплохо подчеркивает мой зад. Волосы оставила распущенными, чтобы они струились по плечам и скрывали шрам на лбу. Глаза жирно подвела черным карандашом. Вид у меня весьма вульгарный и привлекательный, скорее всего, только для самых примитивных человеческих существ. Вроде Дрю. Я улыбаюсь про себя, вспомнив его сегодняшний взгляд, оценивающий меня с ног до головы. Барби была бы не в восторге.

На самом деле я одеваюсь таким образом не потому, что мне это нравится или хочется привлекать к себе внимание. Люди все равно будут глазеть на меня, по любой причине, так уж лучше я сама найду повод для них. К тому же скользкие взгляды – небольшая цена за возможность отпугнуть от себя всех. Вряд ли в школе найдется хотя бы одна девчонка, кто захочет со мной общаться, да и с заинтересовавшимися мной парнями наверняка не о чем поговорить. Ну и что? Если мне суждено вызывать повышенный интерес, то пусть лучше все видят мою задницу, чем мое психическое состояние и мою долбаную руку.

Когда сегодня утром я собиралась в школу, Марго еще не пришла домой, иначе непременно заставила бы переодеться. И я не стала бы ее винить. Даже учитель на первом уроке хотел отчитать меня за неподходящий внешний облик, как только я вошла в класс, но, заметив мое имя в списке, отправил на место и больше не смотрел в мою сторону до конца занятия.

Три года назад у моей мамы при виде подобного наряда случилась бы истерика: она бы кричала, жаловалась на недостаточное воспитание или же просто заперла меня в комнате. Сегодня она, пусть и с разочарованием, спросила бы, нравится ли мне самой. Я бы кивнула, соврала, и мы дружно сделали вид, что проблемы больше нет. К тому же ее волновала бы не столько одежда: вряд ли она стала бы возражать против наряда проститутки так, как против макияжа.

А все потому, что мама любит свое лицо. Не из высокомерия или большого самомнения, нет – а потому что она относится к нему с уважением. Она благодарна тому, какой родилась. И не зря. У нее удивительное лицо – идеальное, неземное. О такой красоте слагают песни и стихи, из-за такой красоты случаются самоубийства. Именно по такой редкой красоте мужчины в любовных романах сходят с ума: им не важно, кто эта женщина, они просто жаждут ею обладать. Вот какая у меня мать. И я росла, желая быть похожей на нее. Некоторые говорят, сходство у нас есть – возможно, это правда, где-то там, в глубине. Если стереть с меня всю косметику и облачить в полную противоположность тому, как я выгляжу сейчас – сыплющая бранью беспризорница, каких обычно в сериале «Полицейские» вытаскивают из наркопритонов.

Так и вижу, как при взгляде на меня мама разочарованно качает головой. Но теперь она хотя бы сдержаннее и не устраивает ссоры по любому поводу – сегодняшний мой наряд вряд ли стал бы причиной. Мама начала смиряться с тем, что я пропащая, и это хорошо, потому что является правдой. Я ушла из

дома, чтобы она могла свыкнуться с этой мыслью. Я пропала давным-давно. Честно говоря, мне жаль маму – она не заслуживает такого. Она-то надеялась обрести во мне чудо, и только я понимала: чуда не будет, как ни старайся. Наверное, я его и забрала.

Тут я вспоминаю, что по-прежнему стою на краю школьного двора, словно персонаж из фильма про выживание в чрезвычайных условиях. Я намеревалась пересечь его до того, как перерыв будет в самом разгаре, но меня остановил учитель истории. И за эти три минуты полупустой двор до отказа заполнился учениками. Сейчас я внимательно разглядываю устилающую его каменную брусчатку и размышляю над тем, насколько разумно было надеть шпильки. Я как раз оцениваю свои шансы пройти через двор, не переломав ноги и сохранив достоинство, когда слышу справа окликающий меня голос.

Инстинктивно оборачиваюсь и тут же понимаю, что не стоило этого делать. Обладатель голоса сидит на скамейке в паре шагов от меня и смотрит в мою сторону. Небрежно развалившись и шире положенного расставив ноги, откровенно демонстрируя свои желания. Он улыбается и прекрасно осознает свою привлекательность. Если бы самолюбие можно было заключить в парфюм, то рядом с таким парнем невозможно было бы выстоять и минуту, не задохнувшись. Темные волосы. Карие глаза. Прямо как у меня. Мы могли бы сойти за брата и сестру или стать одной из тех жутковатых парочек, которые внешне напоминают брата и сестру.

Я злюсь на себя за то, что откликнулась. Теперь, когда я отворачиваюсь от него, решившись все-таки пересечь поле битвы, можно быть уверенной, что его взгляд – как и взгляды всех остальных ребят на скамейке – будут прикованы к моей спине. А точнее, к моей заднице.

Никуда не торопясь, я вновь разглядываю неустойчивую поверхность брусчатки. Взглядом ищу, как бы мне успешно пройти по ней, когда парень добавляет:

– Если ищешь, куда присесть, мои колени в твоем полном распоряжении.

Ну вот, пожалуйста. Он не говорит ничего умного или оригинального, но его дружки, такие же безмозглые, начинают хохотать. Мои зародившиеся надежды на наше возможное родство рушатся в одночасье. Я схожу с бордюра и шагаю вперед, глядя перед собой, словно у меня есть иная цель помимо того, чтобы

благополучно добраться на другую сторону.

А ведь еще и полдня не прошло. По расписанию остается четыре урока из семи – уйма времени для того, чтобы случилась еще какая-нибудь фигня.

* * *

В школу я сегодня специально пришла пораньше, чтобы в офисе администрации забрать свое расписание. Если бы я знала, что меня там ждет, возможно, попыталась бы оттянуть неизбежное. В приемной опять царило безумие, однако мисс Марш, наш методист, просила меня зайти к ней в кабинет и получить у нее расписание лично – еще одно из множества преимуществ моего положения.

– Доброе утро, Настя, Настя, – поприветствовала она. Мое имя она произнесла дважды, на разный манер, и бросила на меня рассеянный взгляд в ожидании подсказки с моей стороны. Но я никак не отреагировала. Уж больно веселой она была для первого учебного дня, а для семи часов утра – тем более. Выглядело это совершенно неестественно. Наверное, все методисты проходят специальный курс под названием «Как излучать притворную радость перед лицом юношеского страха». Учителей, я уверена, на него не отправляют, потому что те даже не пытаются притворяться. У половины из них такой же несчастный вид, как и у меня.

Женщина жестом пригласила меня сесть. Но я осталась стоять. Моя юбка была чересчур короткой, чтобы сидеть на стуле без скрывающего ноги стола. Она вручила мне карту с территорией школы и расписание. Я тут же принялась выискивать в нем факультативные занятия, поскольку все обязательные предметы были мне и так известны. Это, наверное, шутка. Целую минуту я пребывала в уверенности, что мне дали чужое расписание. Проверила фамилию в верхней части листа. Нет, мое. Я не понимала, как себя вести в такой ситуации: когда судьба решает в очередной раз пнуть тебя своим стальным ботинком под зад. Плакать – не вариант; истерично орать, перемежая крики маниакальным смехом и руганью, – определенно не имело смысла; оставалось только одно – потрясенно молчать.

От мисс Марш не ускользнуло выражение моего лица – держу пари, оно было более чем красноречивым, – потому что она мгновенно бросилась объяснять мне требования к выпускникам и рассказывать про переполненные факультативные

классы. Она говорила таким тоном, словно извинялась передо мной. Хотя ей не помешало бы – ситуация и правда отстойная. Но мне вдруг захотелось сказать, что все в порядке, лишь бы она успокоилась. Я переживу, паре дурацких предметов меня не сломить. Вооружившись расписанием и картой, я, напуганная до ужаса, отправилась в класс. По пути снова и снова перечитывала список предметов. К сожалению, он оставался неизменным.

* * *

Итак, половина дня позади. Пока что все неплохо, относительно. В моей жизни вообще одна сплошная относительность. Учителя не так ужасны. Преподавательница по английскому, мисс Макаллистер, даже смотрит в глаза, будто пытается внушить, что относится ко мне по-другому. Мне она нравится. Но худшее еще впереди, так что пока рано откупоривать шампанское.

К тому же еще предстоит пройти «дорогой слез», которой может считаться школьный двор. Я, конечно, трусиха, но оттягивать больше нельзя. Делаю шесть шагов – выходит неплохо. Четко вижу свою цель в виде маячащих впереди двойных дверей, ведущих в крыло английского языка, по другую сторону моего квадратного, выложенного брусчаткой противника.

Попутно боковым зрением отмечаю происходящее. Во дворе очень людно. И шумно. Невыносимо шумно. Я пытаюсь все отдельные разговоры и голоса слить в один непрерывный гул.

Все скамейки заняты группами ребят: одни сидят на них, другие стоят рядом. Кто-то из учеников восседает на краю садовых ящиков с растениями, расставленных по всей территории. Те, кто поумнее, устроились прямо на земле, в тени аллеи, которая огибает двор по периметру. Одним словом, свободных мест нет и скрыться от солнца почти негде, на улице стоит адская жара. Могу себе только представить, какое пекло творится в столовой, раз столько людей предпочли жариться снаружи. В моей прежней школе было точно так же, но сама я ни разу не сталкивалась с безумием обеденного перерыва и необходимостью решать, где и с кем сидеть. Каждый перерыв я проводила в музыкальном классе – единственном месте, где мне хотелось быть.

Ну вот, я почти у цели. До сих пор мне повстречалась всего парочка знакомых лиц: парень из моего класса по истории, который в одиночестве читает книгу, и

несколько девчонок с математики, хихикающих с недовольной Барби – той, что прославилась своей пятничной тирадой в приемной. Все это время я чувствую на себе взгляды, но никто, кроме того придурка с непомерно раздутым самомнением, предложившего сесть к нему на колени, больше не пытался со мной заговорить.

От дверей меня отделяют еще две скамейки. Вдруг левая из них привлекает мое внимание. На ней сидит, ровно по центру, всего один парень. Казалось бы, ничего странного, вот только каждая скамейка во дворе – скажем честно, любое место, куда можно законно пристроить свой зад – занята. А кроме него, на этой скамейке никого нет. Я приглядываюсь и вижу, что даже поблизости никто не стоит. Место будто бы окружает невидимое силовое поле, и внутри него – он один.

Не в силах справиться с любопытством, я мгновенно забываю про свою цель и невольно начинаю разглядывать парня. Тот сидит на спинке скамейки, а его потертые ботинки из коричневой кожи уверенно стоят на сиденье. Локти упираются в колени, обтянутые выцветшими джинсами. Лица как следует не рассмотреть. Светло-каштановые волосы спадают на лоб неряшливыми прядями, взгляд опущен к рукам. Он не ест, не читает и ни на кого не смотрит. Не смотрел до тех пор, пока не заметил меня. Вот черт.

Быстро отворачиваюсь, но уже слишком поздно. Я ведь не просто бросила на него мимолетный взгляд. А остановилась прямо посреди двора и пялилась во все глаза. До убежища за двойными дверями остается всего пара шагов, и я решаю ускориться, при этом стараясь не привлекать к себе лишнее внимание. Наконец, оказавшись под навесом здания, в относительной тени, я хватаюсь за ручку и тяну. Ничего. Дверь не поддается. Пробую снова. Черт, заперто. И это в самый разгар дня. Зачем закрывать дверь снаружи?

– Заперто, – раздается голос откуда-то снизу. Да неужели? Я опускаю глаза. Рядом с входом сидит парень с альбомом для набросков. Подходя, я даже не заметила его: из-за огромной кадки с растением его не видно со стороны школьного двора. Умно придумано. Одет он небрежно, волос как будто не касалась расческа целую неделю. Компанию ему составляет темноволосая девица в солнцезащитных очках – и это в тени, – в руках у нее фотоаппарат. Она бросает на меня беглый взгляд, а после возвращается к своему занятию. За исключением очков, ничего примечательного в ее внешности нет. Я уже жалею, что пошла сюда. Но кто ж знал?

– Не хотят, чтобы во время перерывов кто-то курил в туалете, – поясняет парень. На нем дырявая футболка с концерта какой-то группы.

Понятно. Интересно, что будет, если опоздать на урок? По всей видимости, полный капец. Я обвожу взглядом стайку девушек, толпящихся у входа в туалет. Нет уж, спасибо, туда я не пойду. Пока пытаюсь придумать обходной путь, замечаю, что парень, вытянув шею, продолжает смотреть на меня. Сделай я еще пару шагов, и он наверняка увидел бы все, что скрывается под моей практически отсутствующей юбкой. Хорошо, что на мне симпатичное белье – единственный предмет гардероба не черного цвета.

Тут мой взгляд падает на его альбом. Он загораживает его сверху рукой, так что рисунка мне не видно. Интересно, как он рисует? Сама-то я ни черта не умею. Я благодарю парня кивком и отворачиваюсь, пытаясь отыскать место, куда можно пойти. Не успеваю сообразить, как из дверей вылетают две девицы и чуть не сбивают меня с ног; мне с трудом удается удержаться на своих шикарных шпильках. Они тараторят без умолку и совершенно меня не замечают. А мне это только на руку: я успеваю проскользнуть внутрь сразу после них. Я вхожу в прохладное пустое помещение классов английского, где снова можно дышать.

Глава 3

Джош

Наконец начинается четвертый урок. За время перерыва я ужасно вспотел от пребывания на солнце, и в мастерской из-за отсутствия кондиционера лучше не будет. Но, только войдя туда, я уже чувствую себя как дома, хотя с июня помещение сильно изменилось. Поверхности не завалены инструментами и кусками древесины. Пол не устилает ковер из опилок. Станки не работают. Поначалу такая тишина обескураживает. Здесь не должно быть тихо, но так бывает только в это время года.

Первые пару недель мы повторяем правила пользования оборудованием и технику безопасности, которые я знаю наизусть и могу легко воспроизвести,

только попроси. Но никто не просит. Всем и так известно, что я знаю. При желании я мог бы и сам вести уроки труда. Бросаю учебники на край рабочего стола, который занимаю каждый год, по крайней мере тогда, когда нам необходимо сидеть. Не успеваю выдвинуть табурет, как меня окликает мистер Тернер.

Мне нравится мистер Тернер, но учителю все равно, нравится он мне или нет. Ему нужно от меня уважение, и он его получает. Я делаю все, о чем он просит. Он один из немногих людей, кто верит в меня. Можно даже сказать, что мистер Тернер дал мне знаний не меньше, чем мой отец.

Мистер Тернер начал вести уроки труда очень давно, задолго до моего появления здесь, когда этот предмет был еще никому не нужным факультативом. Теперь же он стал одним из ведущих курсов во всем штате. Благодаря своим мастер-классам по ремесленному мастерству он организовал целый бизнес. За продажу изделий, выполненных на углубленных классах, мы получаем деньги, на которые покупаются материалы и оборудование. Мы берем заказы, выполняем их, а потом полученные средства вновь идут на развитие мастерской.

Но без прохождения подготовительного курса в группу углубленного обучения не попасть, и то это не дает полной гарантии. Мистер Тернер берет только тех учеников, кто оправдывает его ожидания с точки зрения трудовой этики и способностей. Вот почему все классы продвинутого уровня так малочисленны. Чтобы пройти, необходимо получить его одобрение, и это в школе, где факультативных предметов пруд пруди. Но занятия мистера Тернера по-прежнему пользуются успехом – настолько он хорош в своем деле.

Когда я подхожу к его столу, учитель спрашивает, как прошло мое лето. Интересуется из вежливости, хотя прекрасно знает, что это не требуется. Я хожу к нему на занятия с девятого класса. Так что он в курсе моей дерьмовой ситуации и хорошо знает меня. Мне всего-то и нужно: мастерить и чтобы меня никто не трогал. Мистер Тернер дает мне и то и другое. На его вопрос я отвечаю парой фраз, он кивает – на этом с условностями покончено.

– Театральная студия хочет разместить полки у себя в реквизитной. Не мог бы ты сходить к ним, сделать замеры, нарисовать чертеж и составить список необходимых материалов? Ни к чему тебе все время сидеть здесь. – Он берет стопку бумаг, где, как я полагаю, расписаны правила и порядок действий, со

сдержанной скукой и покорностью. Ему и самому хочется просто мастерить. Но нельзя, чтобы кто-то из учеников лишился пальца. – В конце урока покажешь мне свои наработки, и я дам тебе все необходимое. Возможно, даже управишься со всем за неделю.

– Не вопрос. – Я едва сдерживаю улыбку. На этом курсе я ненавижу лишь подготовительную часть, а меня только что от нее освободили. Буду наконец-то мастерить, пусть это всего лишь полки. Да к тому же в одиночестве.

Ставлю свою подпись на документах и отдаю их обратно мистеру Тернеру. Уже забираю свои учебники, когда в мастерскую начинают прибывать ученики. В этой группе предполагается не много народу – наверное, человек десять, не больше. Из тех, кто входит, я знаю каждого, кроме одной девушки – это она разглядывала меня на школьном дворе. Ее тут точно не должно быть. И судя по ее лицу, она со мной согласна. Девушка рассматривает мастерскую, изучает ее от высоких потолков до промышленных станков. От любопытства ее глаза прищурены, но это все, что я успеваю заметить, потому что в эту минуту она оборачивается и перехватывает мой взгляд.

На самом деле я часто наблюдаю за людьми. И обычно у меня с этим проблем не возникает, поскольку на меня никто не смотрит, а если это все же происходит, я научился быстро отводить глаза. Очень быстро. Но эта девчонка, будь я проклят, оказалась проворнее. Думаю, она здесь новенькая. В противном случае сильно изменилась за лето, причем не в лучшую сторону, потому что я знаю всех на кампусе. А если бы не знал, все равно запомнил бы девицу, разгуливающую по школе, словно восставшая из мертвых проститутка. Как бы там ни было, уже через десять секунд я выскакиваю за дверь. Уверен, к моему возвращению ее расписание пересмотрят.

Весь четвертый урок я провожу в реквизитной: замеряю, рисую чертежи и составляю списки материалов, необходимых для стеллажей. Часов в комнате нет, поэтому звонок застает меня врасплох – я еще не закончил работу. Я убираю блокнот с записями в рюкзак и отправляюсь в крыло английского языка. Проходя мимо учеников, ошивающихся в коридоре до последнего, пока не прозвенит звонок, подхожу к кабинету мисс Макаллистер. Дверь приоткрыта. Когда я вхожу, женщина поднимает голову.

– А-а, мистер Беннетт. Вот мы и встретились. – Мисс Макаллистер вела у меня английский в прошлом году. Должно быть, ее перевели из младших классов и поставили преподавать английский выпускникам.

– Да, мэм.

– Вы, как всегда, сама любезность. Как прошло ваше лето?

– Вы уже третья, кто спрашивает меня об этом.

– Это не ответ на вопрос. Даю еще одну попытку.

– Было жарко.

– Все так же разговорчивы, – улыбается она.

– А вы – ироничны.

– Полагаю, мы оба не изменились. – Мисс Макаллистер встает и поворачивается, чтобы взять с тумбы позади нее журнал и три стопки бумаг. – Можно тебя попросить передвинуть сюда вон ту парту? – Она кивает на покосившийся стол в углу класса. Я оставляю свои вещи на задней парте, а сломанную перетаскиваю вперед. – Поставь ее здесь, пожалуйста. – Она показывает место напротив доски. – Мне просто нужно куда-то все это сложить, пока я буду рассказывать. – Она водружает кипы бумаг на стол, когда звенит предупреждающий звонок на урок.

– Вам надо поставить здесь кафедру.

– Джош, слава богу, что у меня еще есть стол с выдвигающимся ящиком, – с притворным недовольством отвечает она и, не теряя ни минуты, широко распахивает дверь в кабинет. – Итак, лоботрясы, быстро все в класс, пока не закончился звонок, иначе за опоздание вас ждет наказание в первый же день. И заставлю я вас прийти с утра пораньше, а не днем. – Последние слова она произносит нараспев. Толпа учеников устремляется в кабинет, как раз когда смолкает звонок.

И ведь мисс Макаллистер не шутит. Ее не пугают пользующиеся популярностью детишки или те, у кого родители при деньгах, – она ни с кем не церемонится. Ей даже удалось в прошлом году, ни разу не спросив, убедить меня, что на ее уроках можно чему-нибудь научиться.

В целом я делю учителей на две категории. Те, кто напрочь игнорирует меня, не замечая моего присутствия, и те, кто намеренно привлекает ко мне внимание любыми способами, потому что это, по их мнению, идет мне на пользу – или же, скорее, вызывает в них странный восторг, оттого что они имеют надо мной своего рода контроль. Мисс Макаллистер не относится ни к тем, ни к другим. Она не трогает меня и при этом не игнорирует. Из всех учителей я считаю ее практически идеальной.

Она уже собирается закрыть дверь, как в класс проскальзывает Дрю.

– Здрасьте, мисс Макаллистер. – Он улыбается и бесстыдно подмигивает ей.

– На меня ваши чары, мистер Лейтон, не действуют.

– Вот увидите, однажды мы будем читать друг другу стихи. – Он занимает единственную пустую парту, прямо в первом ряду.

– Непременно. Однако курс поэзии начнется только в следующем семестре, так что с сонетами вам придется повременить. – С этими словами мисс Макаллистер подходит к своему столу, достает из ящика желтую полоску бумаги и возвращается к Дрю. – Но вы не расстраивайтесь. Завтра у нас с вами свидание. В шесть сорок пять утра. В медиатеке. – Затем также подмигивает ему и кладет перед ним на парту уведомление о наказании.

Настя

Четвертым уроком у меня был труд, который оказался не таким уж противным. Мистер Тернер практически не обращал на меня внимания, что в классе из четырнадцати человек сделать не так-то просто. Он сразу же сверился с моим расписанием, убедился, что я на своем месте, и спросил, почему меня записали

на этот предмет. Я лишь пожала плечами. Он ответил мне тем же. А потом, вернув листок, сообщил: времени догонять остальных у меня нет, но, если я действительно хочу остаться, могу просто помогать. Ясно как день, что мое присутствие ему не нужно, но я, думаю, все же останусь. Группа небольшая, а значит, никто меня здесь не будет трогать – лучшего в первый учебный день нельзя и пожелать.

Мое везение продолжается вплоть до пятого урока, музыки, и заканчивается в ту минуту, когда нам предлагают сыграть в одну из тех глупых игр, что призваны познакомить людей друг с другом. От этого отстойного предмета я попытаюсь отделаться в самое ближайшее время, чего бы мне это ни стоило. Наша учительница, мисс Дженнингс, миловидная блондинка двадцати с лишним лет с короткой стрижкой, бледной кожей и отвратительно идеальными руками пианистки, сажает нас в круг. Как во время игр в начальной школе. Такое положение позволит каждому из нас как следует рассмотреть, а впоследствии разобрать по косточкам друг друга. Ну и познакомиться, разумеется. А как же иначе.

Из всех подобных игр, что мне довелось вытерпеть, эта оказалась не самой худшей. Каждый человек должен назвать три факта о себе, один из которых – ложный. Затем класс пытается угадать, какой именно неправда. Очень жаль, что я не могу принять участие в этой игре, иначе это было бы эпично. Я бы все отдала, чтобы послушать, как мои одноклассники и очаровательная светловолосая фея обсуждают потенциальную правдивость каждого моего заявления.

Меня зовут Настя Кашникова.

Я была одаренной пианисткой, которой совершенно не место в начальном классе музыки.

Меня убили два с половиной года назад.

А теперь обсуждайте.

Сейчас же, когда очередь доходит до меня, я сижу с каменным лицом и молчу. Мисс Дженнингс выжидающе смотрит на меня. Проверьте журнал. Продолжает сверлить меня взглядом. Я тоже пялюсь на нее. Мы словно играем с ней в

гляделки. Проверьте журнал. Вам должны были сообщить, я знаю. Пытаюсь внушить ей эту мысль телепатически, но, к сожалению, не обладаю сверхспособностями.

– Не желаете поделиться с нами тремя фактами о себе? – спрашивает она так, словно я тупица и не соображаю, что здесь происходит.

Наконец, сжалившись над ней, я легонько мотаю головой. Нет.

– Ну же. Не стесняйтесь. Все уже через это прошли. Тут нет ничего сложного. Вам не нужно раскрывать свои самые страшные тайны, – весело продолжает она.

Вот и хорошо, потому что после моих страшных тайн ей обязательно будут сниться кошмары.

– Можете хотя бы назвать свое имя? – сдается она, очевидно, не желая больше участвовать в этом состязании воли. Ее терпению приходит конец.

Я вновь мотаю головой. При этом не свожу с нее глаз, чем начинаю, наверное, немного пугать. Мне даже жаль мисс Дженнингс, но ей стоило хотя бы до начала урока ознакомиться со своими бумагами. Как это сделали остальные учителя.

– Ла-а-адно, – тянет она, и тон ее голоса меняется. Она явно начинает злиться, впрочем, как и я. В попытке на чем-нибудь сосредоточить взгляд я принимаюсь рассматривать темные корни, проглядывающие в ее волосах, пока она, опустив голову, изучает лежащий перед ней список учеников, прикрепленный к планшету. – Пойдем методом исключения. Вы у нас… – она замолкает, улыбка слетает с ее губ. Сразу становится ясно, что до нее дошло, все читается на ее лице, когда она снова поднимает голову и говорит: – Прошу прощения. Вы, должно быть, Настя.

На этот раз я киваю.

– И вы не говорите.

Глава 4

Настя

Любое мое решение, с тех пор как моя жизнь внезапно пошла под откос, подвергалось сомнению. Каждый норовил высказаться, осудить меня за то, как я преодолеваю свои трудности.

Люди, никогда не знавшие бед, почему-то уверены, что непременно знают, как следует себя вести, если твою жизнь разрушили. А те, кто пережил подобное, считают, что ты должен справляться с трагедией в точности как они. Как будто существует единое руководство по выживанию в аду.

* * *

К дому Марго я подъезжаю уже после трех часов дня, буквально вымокшая насквозь от облегчения, а может, все дело в невыносимой влажности. Но в любом случае я это переживу, потому что впервые за день могу нормально вздохнуть. В общем, все могло быть гораздо хуже. После пятого урока слухи расползлись довольно быстро, радовало только, что это был почти конец дня. Полагаю, к завтрашнему утру знать уже будут все, и на этом вопрос будет исчерпан.

Даже седьмой урок, по жестокой иронии ставший факультативом по ораторскому искусству, прошел вполне неплохо, что, на самом деле, говорит о многом, учитывая мои проблемы с речью. Мы вновь расселись в замечательный кружок, только к этому времени я уже не реагировала ни на собственный страх, ни на сопровождающие меня перешептывания.

Мой добрый приятель Дрю тоже был тут. К счастью, он сел не рядом со мной: меня пугали не столько его глупые комментарии – их легко было не замечать, – сколько необходимость отбиваться от его вездесущих рук. Но радость моя длилась недолго, потому что в кругу он уселся прямо напротив меня, так что, всякий раз поднимая голову, я натыкалась на него и его красноречивую ухмылку: «Я могу сделать тебя женщиной, мне известно, как ты выглядишь под

одеждой». Наверняка он тренирует ее дома перед зеркалом. Ему можно давать мастер-классы. Я уткнулась взглядом в свою парту и принялась ковырять нацарапанные на ее поверхности имена, еле сдерживая улыбку. Не то чтобы я считала его привлекательным – хотя это было неоспоримо, – просто Дрю меня ужасно забавлял.

И все же я была ему благодарна за присутствие. Он хотя бы отвлекал меня от прочей ерунды этого дурацкого урока. То есть от всего, включая темноволосого кареглазого придурка, который внезапно лишился своего обаяния. Выяснилось, что его зовут Итан. На мое счастье, в классе было полно свободных мест, так что мне не пришлось принимать его весьма щедрого предложения сесть к нему на колени. Но, по несчастью, одно из таких мест оказалось рядом со мной, куда он, собственно, и плюхнулся. Он больше не отмачивал шуточек, но постоянно ухмылялся – однако в этом ему было не сравниться с Дрю.

Я захожу в дом и, бросив рюкзак на кухонный стол, принимаюсь доставать из него все, что требуется подписать Марго. Не успеваю я закончить, как жужжит мой мобильник, и мне приходится на время отложить свое занятие. Я не стремлюсь всегда держать телефон под рукой, потому что пользуюсь им не часто. Мне могут писать только два человека: мама или Марго. Больше никто не обращается на этот номер, сейчас даже мой отец.

Я использую телефон лишь для самого необходимого – текстовых сообщений, в основном адресованных мне и остающихся без ответа. Если нужно, с помощью них даю знать Марго, где нахожусь, или предупреждаю, что опоздаю. Таково было условие моего пребывания в ее доме. Но большего от меня ждать не стоит. Не принимаются вопросы: «Как прошел твой день?», «Ты с кем-нибудь подружилась?», «Ты уже нашла психотерапевта?» Только сухие факты по существу. Моя проблема всегда заключалась не в речи, а в общении.

Сообщение оказывается от Марго: «В честь твоего первого дня в школе зашла за готовой едой. Скоро буду». Я до сих пор привыкаю есть днем, в четыре часа. Поскольку Марго работает в ночную смену, ужинаем мы рано, чтобы она успела перед работой принять душ и собраться. Но учитывая, что обед приходится на десять сорок пять утра, я не возражаю.

Скинув свои орудия пытки в виде шпилек, я переодеваюсь в спортивную форму – хочу после раннего ужина отправиться на пробежку. Я бы и сейчас пошла, но снаружи очень жарко, а я стараюсь не бывать на улице в такое время суток,

когда солнце, следуя за мной по пятам, обжигает воспоминаниями кожу. Я даже без надобности не хожу проверять почтовый ящик. Снова жужжит мобильник. Гляжу на экран – на этот раз мама. «Надеюсь, твой первый день прошел хорошо. Люблю тебя. М.». Откладываю телефон на стол. Ответа она не ждет.

Марго возвращается с полными сумками китайской еды, а значит, нам целую неделю не придется готовить. Это хорошо, потому что готовить я совершенно не умею, и Марго, судя по ящику стола, забитому рекламными листовками с доставкой еды, тоже. Я живу здесь уже пять дней и ни разу не видела, чтобы она пользовалась плитой. Хотя бы во время наших совместных ужинов не возникает неловкости. Марго болтает за двоих. Мою невозможность поддержать беседу она охотно компенсирует своими рассказами. Мне даже кажется, что мое присутствие за столом ей не особо нужно.

Меньше чем за неделю я узнала, с кем она встречалась последние три года и с кем встречается сейчас. Я в курсе всех сплетен с ее работы, хотя и знать не знаю тех, о ком она говорит. Больше чем уверена, Андреа не обрадуется тому, что Марго рассказывает мне о ее финансовых проблемах; Эрику не захочется, чтобы я знала об изменяющей ему подружке; а Келли будет в шоке, узнав, что мне известно о ее биполярном расстройстве и всех лекарствах, которые она принимает от него. Однако чем больше Марго говорит, тем менее неловким кажется мое молчание. К тому же пусть лучше это будут разговоры о безразличных мне людях. Хуже, когда она заговаривает о моей семье, потому что я не хочу думать о них и не могу попросить ее заткнуться.

После ужина тетя сразу отправляется в душ смывать с себя пот и масло для загара, а я убираю контейнеры с остатками еды и жду, когда солнце сядет и можно будет отправиться на пробежку.

Но выйти из дома мне так и не удается: небо чернеет еще до захода солнца и начинает лить как из ведра. Вообще я не против побегать под дождем, но такой ливень – слишком даже для меня. Ничего не видно и не слышно вокруг. Я выглядываю из стеклянной раздвижной двери в задней части дома и вижу, что дождь льет сплошной стеной, сверкает молния – не в таком я отчаянии, чтобы в такую погоду куда-то идти. Скидываю кроссовки и сажусь, затем встаю, снова сажусь и встаю. Голова идет кругом.

Беговой дорожки здесь нет, поэтому я принимаюсь прыгать на месте. Потом, когда мне надоедает, перехожу к жиму лежа, чередуя его с шагами альпиниста,

делаю приседания с грузом и выпады вперед и завершаю свои упражнения большой серией отжиманий, пока руки не подкашиваются и я не падаю лицом в ковер. Конечно, мне бы хотелось более выматывающей нагрузки, но на сегодня и так сойдет.

После этого выбираю себе одежду на завтрашний день, складываю все подписанные Марго бумаги и убираю их в рюкзак. Жалея, что нам ничего не задали на дом, я бесцельно слоняюсь по гостиной. Тут у входной двери замечаю стопку газет и понимаю, что не просматривала объявления о рождении детей почти две недели.

Хватаю газеты и принимаюсь их листать, пока не нахожу нужные мне разделы. В первой меня ждет разочарование. Ничего нового. Все та же набившая оскомину классика и популярная фигня: такими именами я бы даже свою кошку не назвала, не то что ребенка. Моего имени, разумеется, здесь нет, но я ищу не его. Просматриваю четыре газеты: три Александра, четыре Эммы, две Сары, уйма имен, заканчивающихся на «ден» (Джейден, Кейден, Брейден – гадость!), еще куча тех, что не отложилась в памяти, – и лишь одно достойно висеть у меня на стене. Я вырезаю его и открываю ноутбук. Подключившись к интернету, жду, когда загрузится начальная страница. Через несколько секунд на экране появляется сайт имен в миленьких розово-голубых разводах, который приветствует меня каждый раз, когда я захожу в сеть.

Вбиваю в строку новое обнаруженное имя Пааво, которое оказывается всего лишь финской версией имени Пол. Снова облом.

Вообще я люблю имена. Даже коллекционирую вместе с их происхождением и значениями. Делать это легко: они ничего не стоят и не занимают места. Мне нравится смотреть на них и представлять, что они несут какой-то смысл. Даже если смысла в них нет, все равно мне приятно так думать. Многие из имен я храню на стене спальни у себя дома – там, где жила раньше. Я отбираю только те, что откликаются во мне. Хорошие имена со значением. А не ту ерунду, какой сейчас модно называть. Еще мне нравятся иностранные имена, какие-то необычные и редкие. Будь у меня ребенок, я бы точно выбрала одно из них, вот только в будущем, даже отдаленном, детей у меня не предвидится.

Я уже складываю газеты, чтобы убрать их в сторону, пробегаю взглядом по страницам в последний раз. Когда краем глаза выхватываю имя «Сара» и улыбаюсь. Оно напоминает мне об одном забавном случае сегодня.

Я как раз спешила к своему шкафчику в перерыве между уроками, но была вынуждена спрятаться за углом. Стоя через два шкафчика от моего, Дрю и его Барби устроили жаркий спор. Тогда из двух зол я решила выбрать меньшее: предпочла опоздать на урок, чем столкнуться с их словесной перепалкой. При встрече с Дрю я легко игнорировала его бесстыдные, лишенные всякой деликатности заигрывания, но мне совсем не хотелось выслушивать подобное в присутствии его девушки. Этот пункт точно пополнит мой постоянно расширяющийся список ненужной мне чепухи. Поэтому я прижалась к стене и стала ждать, когда они уйдут.

– Дай мне двадцать баксов, – донеслись до меня его слова.

– Зачем? – Похоже, ее голос ничего, кроме раздражения, не был способен выражать.

– Затем, что мне нужны двадцать баксов. – Судя по его тону, это была достаточно веская причина.

– Нет. – Послышался стук захлопываемой дверцы шкафчика. Со всей силы.

– Я тебе все отдам.

– Нет, не отдашь. Не отдашь. – Умная девочка.

– Ладно, ты права. Не отдам. – Я осторожно выглянула из-за угла и увидела адресованную ей наглую ухмылку. – Ну а что? Я хотя бы честно сказал.

– Почему бы тебе не попросить у своих поклонниц? – Вот это поворот!

– Потому что ни одна из них не любит меня так, как ты.

– Тебе прекрасно известно, что в отличие от остальной женской половины этой школы на меня твоя дурацкая ухмылка не действует, так что зря стараешься.

– Сара, ну хватит ломаться, ты же все равно мне дашь деньги.

Сара. Я улыбнулась. Имя идеально подходит ей: безликое, банальное и лишенное всякой оригинальности. И более того – означает «принцесса».

Барби громко вздохнула и полезла в сумку. Да ладно? Она хочет дать ему денег? Мне кажется, я его недооценила. А вот ее, напротив, переоценила. Может, мое чувство собственного достоинства и не зашкаливает, но у нее оно вообще напрочь отсутствует. Она вытащила двадцатку и сунула ему.

– Держи. Только оставь меня в покое. – Дрю схватил деньги и уже начал уходить, когда она крикнула ему вдогонку: – Но если не вернешь, я все расскажу маме!

Маме? Ого.

Это забавное открытие вынудило меня усомниться в своих наблюдательных способностях. И как я могла так ошибиться? Мы с моим братом Ашером тоже частенько спорили, однако уровень нашей враждебности был на несколько пунктов ниже, чем их.

Я отправляю последнюю газету в стопку и возвращаюсь к компьютеру, пытаясь придумать себе еще какое-нибудь занятие в интернете, чтобы убить время. «Фейсбуком» и другими соцсетями я больше не пользуюсь, так что этот вариант отпадает. Можно помучить себя: зайти под логином и паролем Ашера и проверить, как там поживают мои бывшие друзья, но я быстро отметаю эту мысль. Не хочу ничего о них знать.

За окном непрерывно сверкают молнии, и их вспышки, всякий раз озаряя небо, дразнят меня. Шепчут на ухо об оставленном на кровати телефоне, словно бутылка виски манит завязавшего алкоголика, а дождь продолжает насмехаться надо мной. Я готова выйти на улицу даже в такую погоду. Настолько мне хочется пробежаться.

Надо еще попрыгать. Потягать гантели. Отжаться. Снова гантели. Пусть я и не смогу сюда поставить беговую дорожку, зато можно приобрести боксерскую грушу, переносную. Вряд ли Марго разрешит повесить в гостиной тяжелый мешок, но я не привередливая. Мне подойдет все, что можно отколошматить.

Печенье. Надо испечь печенье. После бега это лучшее, что успокаивает меня. Не до конца, конечно, но я люблю печенье и ненавижу ту фигню, что продают в

пачках – именно его покупает Марго. «Орео» не в счет. Потому что это «Орео», и, как ни старайся, воспроизвести его невозможно. Уж поверьте мне. Я несколько дней проторчала на кухне, пытаясь приготовить нечто похожее. И у меня ничего не вышло. Так что «Орео» еще можно есть, а вот фабричное печенье с шоколадной крошкой со сроком хранения до полугода – нет уж, увольте. Жизнь и без того слишком коротка. Поверьте мне, я знаю, о чем говорю.

Я принимаюсь обыскивать кухонные полки Марго и отчего-то удивляюсь, что не нахожу у нее ни муки, ни пищевой соды, ни разрыхлителя, ни ванилина – ни одного ингредиента, необходимого для выпечки. Зато мне удается обнаружить сахар и соль, а еще каким-то чудом затесавшиеся сюда мерные стаканы, но все это не сильно поможет. Значит, в эти выходные схожу в продуктовый магазин. Потому что без печенья или торта я долго не протяну.

Окончательно сдавшись, я довольствуюсь мармеладным драже: съедаю полпачки, а черные, самые невкусные конфетки оставляю. Потом иду в душ, чтобы смыть с себя всю грязь сегодняшнего дня. Пока кондиционер впитывается в волосы, я веду с собой интереснейшую беседу. Жалуюсь на свое дурацкое расписание. Возмущаюсь классом музыки, в котором оказалась по злой иронии. Интересно, насколько своей нелепостью он превосходит урок ораторского искусства? Размышляю вслух, есть ли в школе хотя бы одна особа женского пола, будь то ученица или преподаватель, кто невосприимчив к чарам светловолосого Дрю. И отвечаю: я. Ну и, конечно же, Сара, хотя он и ею прекрасно манипулирует.

Время от времени я разговариваю с собой: проверяю, есть ли у меня еще голос, на случай, если вдруг решу им снова воспользоваться. Я всегда планировала вернуться в мир речи, но порой все же сомневаюсь, произойдет ли это когда-нибудь. Чаще всего у меня не бывает потрясающих новостей, поэтому я просто повторяю имена и отдельные слова, однако сегодняшние события заслуживают внимания и излагаются целыми предложениями. Иногда я даже пою, только делаю это, когда ненависть к себе и желание причинить себе боль становятся особо невыносимыми.

Я забираюсь в постель, под серо-зеленое одеяло с цветочным узором – точно таким же застелена моя кровать дома. Скорее всего, это мама постаралась, а не Марго. Она до сих пор не может осознать, что я хочу сбежать из той комнаты, а не таскать ее за собой. Приподнимаю край матраса и достаю спрятанную под ним толстую тетрадь. Скоро придется подыскать ей более надежное место.

Остальные тетради такого же формата я храню в убранных в шкаф картонных коробках, под старыми книгами в мягком переплете и ежегодниками из средних классов. Та, что у меня в руках, имеет черно-белую обложку со сделанной на ней красным маркером надписью: «Тригонометрия». Как и в других тетрадях, первые несколько страниц заполнены ненастоящими школьными записями. Я беру ручку и начинаю писать. Спустя ровно три с половиной листа я убираю тетрадь обратно в тайник и выключаю свет с мыслями о том, какое еще безумие готовит мне завтрашний день.

Глава 5

Настя

Я живу в мире, где нет магии и чудес. Где тебя не спасут ни провидцы, ни оборотни, ни ангелы, ни супермены. Где люди умирают, музыка распадается на ноты, а жизнь – дерьмо. Я настолько придавлена к земле грузом действительности, что до сих пор недоумеваю, как мне удается идти вперед.

* * *

В пятницу утром я первым делом забираю из приемной свое исправленное расписание. Мисс Макаллистер утвердила меня на должность помощника учителя на пятый урок, и теперь я официально избавлена от необходимости ходить на музыку. Я буду делать ксерокопии и раздавать учебный материал, вместо того чтобы из меня потихоньку высасывали все соки.

К этому времени я уже стала лучше ходить на шпильках, только из-за тесноватых мысков туфель пальцы протестующе ноют, когда я надеваю их. Для сегодняшних испытаний я выбрала свой второй скандальный наряд – сплошь черный, потому что других цветов в моем гардеробе нет. Глаза снова жирно подведены черным карандашом, на губах – красная помада, а на ногтях – черный лак. Туфли на шпильках неизменно дополняют образ, как бы восклицая: «Отвратительно!» В таком наряде я и правда похожа на омерзительную проститутку. В голову приходят мысли о перламутровых пуговицах и белых

кружевных юбках. Интересно, что бы надела Эмилия, будь она сегодня жива?

Всю неделю во время обеденных перерывов мне удавалось с успехом прятаться в коридорах и туалетах. Растрепанный парнишка-художник, которого зовут Клэй – я выяснила это, тайком разглядев его имя на обложке альбома, – любезно поделился со мной небольшим списком укромных мест, когда на второй день учебы снова застал меня у запертых дверей в крыло английского языка. Многие из них я уже проверила. Пройдет еще пара дней, и я, пожалуй, смогу нарисовать карту лучших мест, где можно уединиться. Буду потом продавать ее таким же неудачникам, как я.

Проходя по школьному двору каждый день, я наблюдаю одну и ту же картину. Складывается ощущение, словно каждому здесь отведено свое собственное место – оно не меняется и на следующий день. Многие лица я начинаю узнавать, но даже те, кто мне знаком, делают вид, будто меня не знают. Я пребываю в счастливом одиночестве. Мое присутствие пугает, раздражает или вызывает дискомфорт у окружающих, которые стараются держаться от меня как можно дальше. Цель достигнута. Ради такого можно и неудобство туфель потерпеть. Если я ничего не испорчу, то сумею сохранить нынешнее положение дел.

Я как раз думаю о том, куда мне отправиться сегодня, когда прохожу мимо парня, окруженного силовым полем. Интересно, как ему это удается? Вот бы узнать его секрет, потому что мне такая способность точно не помешает. Иногда мне кажется, что он невидимка и вижу его только я, но такого не может быть, иначе кто-нибудь обязательно уже занял бы его скамейку. Наверное, он обитающий на ней призрак, отчего все боятся приближаться к нему.

Он всегда сидит в одной и той же позе, совершенно неподвижно. С тех пор, как в понедельник наши взгляды встретились, я стараюсь не смотреть в его сторону дольше пары секунд. Больше он головы не поднимал. Хотя меня по-прежнему не покидает ощущение, что он за мной наблюдает, а может, мне просто этого хочется. Я быстро отгоняю эту мысль прочь. Меньше всего мне сейчас нужно чье-то внимание.

И все же на него приятно смотреть. У него красивые руки. Не те накачанные бревна, что бывают у некоторых придурков, а простые рабочие руки. В тот первый учебный день мы виделись еще раз уже на уроке труда, и то всего секунду, после этого он ушел и больше не возвращался. Теперь же я встречаю его только во время обеда. Эти несколько секунд, когда я пересекаю двор,

становятся для меня самыми увлекательными за день. Если быть до конца честной, эти драгоценные секунды – единственная причина, почему я хожу по этому проклятому двору каждый день.

В первый день я прошла по нему, чтобы показать себя. Во второй – убедиться, что он по-прежнему один и сидит на месте. В третий и четвертый мне хотелось узнать, посмотрит ли он на меня. Не посмотрел. А сегодня уже я хотела на него взглянуть. Именно этим я и занимаюсь, когда тонкий кончик шпильки застревает в узкой щели между двумя камнями. Прекрасно!

К счастью, я шла мучительно медленно, наблюдая за ним краем глаза, и это позволило мне не упасть лицом вперед. Но, к несчастью, я застряла ровно между его скамейкой и той, где восседает принцесса Сара со своими фрейлинами. С невозмутимым видом я раскачиваю каблук, пытаясь высвободить его из западни, но тот не поддается. Придется наклониться и выдергивать его руками, что в таком положении потребует мастерства баланса, да и нагибаться в коротком платье – не лучшее решение.

Я медленно опускаюсь, вытаскиваю ногу из туфли. Затем правой рукой хватаюсь за каблук и дергаю. Он выходит легче, чем я ожидала. Выпрямившись, я снова обуваюсь. Бросаю взгляд влево и вижу, что парень-изваяние даже не шелохнулся. Его нисколько не заботит мое полное фиаско с туфлями. Пусть это маленькое чудо, но я рада уже и ему – сейчас на большее мне рассчитывать не приходится. Однако моя неудача не остается незамеченной другими, потому что в следующую минуту я слышу:

– Мне кажется, эти туфли больше подойдут для панели, чем для школы. – Сара. Ее слова сопровождаются смехом.

А потом другой девчачий голос добавляет:

– Ага. Твоему папочке вообще известно, в каком наряде ты выползла из ада?

– А я думала, ее отец живет в Трансильвании. – Снова смех. Они серьезно?

Какие-то хилые у них здесь подколки. Если они хотят по-настоящему меня задеть, им придется подыскать что-то более забавное. Я перевожу взгляд вправо – вот откуда бьет этот фонтан остроумия. Несколько девчонок в

компании Сары смотрят на меня и продолжают смеяться. Пожалуй, я обрадовалась слишком рано. Начинаю мысленно перебирать имеющиеся у меня варианты: а) швырнуть в них туфлей; б) оскорбить их в ответ; в) игнорировать и уйти; г) расплыться в своей самой дьявольской и безумной улыбке. Выбираю последний вариант – наиболее приемлемый. Я не стану пропускать такое мимо ушей и тем более убегать с поджатым хвостом. К тому же, раз уж я отродье сатаны или дочь Дракулы – кому как нравится, – можно добавить немного безумия и показать свою истинную сущность.

Я смеряю их взглядом еще несколько секунд, размышляя, как лучше улыбнуться: оскалиться сразу во весь рот или медленно расплыться в ухмылке, – когда нас прерывает голос у меня за спиной:

– Хватит, Сара.

Сара, чей рот открылся было для очередной остроумной шутки, громко захлопывает его – мне даже кажется, я слышу, как клацают зубы. Я поворачиваюсь, хотя уже знаю: в том единственном человеке, кто находится поблизости, я меньше всего ожидала увидеть своего защитника. Да и ситуация не требовала того. Поведение этих девиц нельзя назвать нападением. Скорее дохлой попыткой оскорбить. Любительским караоке. То, что вызывает больше смех, чем страх. Уверена, эти девчонки продолжили бы свои попытки издевательств и сумели бы меня довести, будь я из тех, кого можно ранить. Вот только мне плевать: меня уже давно нельзя ничем задеть.

К этой минуте все мое внимание полностью приковано к парню с силовым полем, но на него смотрю уже не только я. Несколько пар глаз наблюдают за ним, ждут, скажет ли он что-нибудь еще. Я словно оказалась в одной из серий «Сумеречной зоны», где мир вокруг меня застывает и двигаться могу лишь я. Но почему-то стою на месте.

Парень не сводит глаз с Сары, его взгляд, под стать тону его голоса, ясно дает понять: не шути со мной. Потом его взор всего на секунду задерживается на мне и вновь опускается к рукам как ни в чем не бывало. Я уже собираюсь продолжить путь, но словно не чувствую своих ног. Отворачиваюсь от парня и перехватываю устремленный на меня взгляд Сары. На ее лице, как вполне ожидаемо, читаются отнюдь не зависть или же злоба; оно выражает абсолютное, неподдельное недоумение: что за черт? Как бы я ни пыталась сохранять невозмутимость, на моем лице, похоже, отражаются те же эмоции,

только вызванные другими причинами.

Она, кажется, ошеломлена тем, что он что-то произнес. Я знаю этого парня не настолько хорошо, чтобы судить, насколько поразительно его вмешательство во всей этой истории. Лично мне самым странным кажется реакция всех остальных. Они заткнулись. Не стали спорить, смеяться, задавать вопросы, игнорировать его и продолжать свои насмешки, в том числе над ним. Они просто замолчали. Он сказал: «Хватит», – и на этом все прекратилось. Потому что я так сказал. И точка. Не вынуждайте меня повторять дважды.

В считаные секунды, пока я стояла на месте, все окружающие вернулись к своим делам. Может быть, все дело в моем разыгравшемся воображении, но уровень шума стал ниже, словно никто не хотел, чтобы слышали, как они обсуждают случившееся. А что именно сейчас произошло?

Я подумаю об этом через пару минут, а может, после школы или вообще никогда, потому что сейчас мне хочется одного: поскорее убраться с этого двора. Оставшуюся часть я преодолеваю без происшествий. Слава богу, кто-то любезно воткнул книгу в щель приоткрытой двери, так что я могу беспрепятственно попасть в класс английского языка. Заходя внутрь, я замечаю, что это учебник по истории искусств, а рядом сидит ухмыляющийся Клэй с неизменным альбомом в руках. Меня так и подмывает спросить у него, знает ли он, в чем там дело, но я молча проскальзываю в холл. Дохожу до середины коридора, сворачиваю на лестничную площадку и приваливаюсь к стене. Наконец я одна, в тишине.

Не успеваю я обдумать недавние события, как до меня доносится скрип открываемой входной двери. Я плотнее прижимаюсь спиной к стене, стараясь сделаться как можно незаметнее. Если вожмусь еще сильнее, может, удастся исчезнуть.

Я пытаюсь по звуку, который с каждой секундой становится все громче, определить направление шагов. Походка неторопливая, одна нога ступает чуть тяжелее другой. Шаги уверенные, но мягкие. Никакой неуклюжести или неловкости. Только грация. Кто бы это ни был, он выше меня и достигает ниши, где я прячусь, за меньшее количество шагов. Я жду, когда он пройдет мимо, но звук направляется в мою сторону. Надеюсь, этот человек просто не заметит меня. Я гляжу в пол, чтобы не встречаться с ним глазами, и жду, когда все закончится.

А потом, не успеваю я задержать дыхание, передо мной останавливается пара потертых рабочих ботинок. Со стальными мысами, если не ошибаюсь. Мне даже не нужно поднимать голову, чтобы понять, кому они принадлежат. Я наблюдала эти ботинки на сиденье металлической скамейки на протяжении вот уже пяти дней. По всей видимости, смятение и любопытство на время лишили меня разума, потому что я вопреки себе поднимаю глаза. Мне еще не доводилось видеть его настолько близко.

– Больше я этого делать не буду, – произносит он, пронзая меня своими до отвратительного прекрасными синими глазами, словно желая уничтожить. Но говорит он без злости. Его голос звучит сухо. И совершенно спокойно. Без какой-либо интонации. Он не ждет от меня признательности или ответа, хотя сейчас я настолько зла, что могла бы сказать ему пару слов, отнюдь не благодарности. После этого парень проходит через лестничную площадку и скрывается за противоположной дверью, словно его тут и не было.

Больше я этого делать не буду? А тебя никто об этом и не просил, козел. Он и правда считает, будто сделал мне одолжение? Помог мне тем, что привлек к моей персоне всеобщее внимание и разозлил кучку самовлюбленных девчонок, которые непременно в его отсутствие отыщут способ отыграться на мне? Тогда он неадекватен еще больше, чем я. Хочется так ему и сказать. Жаль, не знаю его имени. Только, будь у меня сейчас список вопросов к нему, «как тебя зовут?» вряд ли входил бы в него.

Меня интересует, почему остальные послушались его. Они закрыли рты, точно их отчитал разозлившийся отец – именно так он и выглядел. Таким же тоном парень говорил со мной сейчас. Удивительно, как он еще не добавил «юная леди» в конце для пущей убедительности. Очевидно, я единственная, кто не понимает, почему должна подчиняться его приказам. Как будто он навязывает уважение или почтение к себе. Может быть, его отец – директор школы, мэр или криминальный авторитет, отчего никто не хочет его злить. Кто знает? Но я могу сказать одно: меня он точно разозлил.

Глава 6

Джош

Весь остаток дня больше я с этой девчонкой не пересекаюсь. Я уже мысленно ругаю себя за то, что во время обеденного перерыва не сдержался и открыл свой дурацкий рот. Будь на то веская причина, может, и стоило дать себе поблажку, но девчонка не производила впечатления беспомощной. Может, я просто хотел помешать этим стервам ополчиться против нее. Может, хотел, чтобы Сара заткнулась, потому что на самом деле она не такая, какую из себя строит. Может, я просто хотел, чтобы эта девчонка снова посмотрела на меня.

Коридоры постепенно пустеют. Я продираюсь сквозь поток идущих мне навстречу учеников в глубь школы. Хочу добраться до театральной студии раньше, чем запрут двери – надо забрать свой уровень. Сегодня днем он мне еще пригодится. К тому же я не стану оставлять его здесь на ночь. Это мой инструмент. Принадлежал моему отцу. Пусть он старый, деревянный и вышел из моды, но другой мне не нужен. Не хочу, чтобы он пропал, и поэтому возвращаюсь за ним.

Оказавшись в реквизитной, я обнаруживаю уровень там, где оставил его – на одном из незаконченных стеллажей, над которым трудился целую неделю. Оценивая свою работу, я провожу руками вдоль краев. Вся конструкция будет готова к следующей среде. Можно растянуть до пятницы, но надеюсь, мистер Тернер к тому времени уже закончит читать вводный курс. Мне бы очень хотелось вернуться в мастерскую и заняться чем-то более интересным, чем полки. Я забираю свой уровень и отправляюсь на парковку.

Уже подхожу к своей машине, когда меня окликают:

– Беннетт! Джош! – Дрю почти мгновенно исправляется, потому что знает, каким дураком выглядит, называя меня по фамилии. Он стоит в следующем ряду автомобилей, и при этом не один. Вообще его редко можно увидеть в одиночестве, так что я не удивлен, застав его в компании девушки. Парень стоит в хорошо знакомой мне позе, привалившись к своей машине, изображает полнейшее безразличие, а сам в это время придумывает способ, как забраться девчонке прямиком в трусы, под кофту или юбку. Тут уж как получится.

Но больше всего меня удивляет девушка, с которой он общается. Одного взгляда достаточно, чтобы ее узнать: черные волосы потрясающей длины, узкое черное платье, едва прикрывающее грудь и пятую точку, черные туфли на шпильках, измазанные черной фигней глаза. Эти глаза как раз злобно смотрят на меня. По мере моего приближения ее обычно пустое выражение лица меняется. Едва уловимо, практически незаметно для других. Перемена в большей степени касается глаз, но я ее замечаю. Они больше не кажутся отрешенными. Она злится, и, если я не ошибаюсь, злится на меня. Но разглядеть точнее у меня не выходит: она уходит, не успеваю я к ним подойти.

– Позвони мне! – вслед ей кричит Дрю через плечо и смеется как над удачной шуткой.

– Ты ее знаешь? – спрашиваю я, кидая свои учебники вместе с уровнем на капот его машины. К этому времени парковка почти опустела: если по утрам автомобили неторопливо стекаются к школе, то днем разъезжаются практически мгновенно.

– Планирую узнать, – отвечает Дрю, не глядя на меня. Он все еще провожает девчонку взглядом. Я пропускаю его намек мимо ушей. Если бы я реагировал на каждое завуалированное высказывание Дрю с сексуальным подтекстом, нам бы больше не о чем было говорить, чему он, наверное, был бы только рад.

– И кто она?

– Какая-то русская цыпочка. Настя что-то там – фамилию еще не научился произносить. Я уже стал волноваться, что теряю обаяние, потому что она ни разу не ответила мне. Она вообще, похоже, ни с кем не разговаривает.

– И чему ты удивляешься? Весь ее вид кричит о нежелании общаться. – Я снимаю уровень с машины и начинаю вертеть его в руках, наблюдая за тем, как жидкость из одного конца колбочки перетекает в другой.

– Это да, но дело в другом. Она совсем не говорит.

– Совсем? – Я с сомнением смотрю на него.

– Совсем, – кивает он, довольно ухмыляясь.

– Почему?

– Понятия не имею. Может, не знает английского. Но тогда могла бы просто отвечать «да», «нет» и все в таком духе. – Дрю безразлично пожимает плечами.

– А ты откуда знаешь?

– Она со мной в одном классе по ораторскому искусству. – Дрю усмехается над абсурдностью этого обстоятельства. Я ничего не говорю, молча перевариваю услышанное, а друг продолжает разглагольствовать: – Но мне грех жаловаться. Так у меня есть возможность обрабатывать ее каждый день.

– Плохой признак, если тебе приходится ее обрабатывать. Наверное, ты и правда теряешь обаяние, – сухо замечаю я.

– Не смеши меня, – со всей серьезностью откликается он и бросает взгляд на часы. Его губы вновь растягиваются в улыбке. – Три часа. Пора домой. – С этими словами Дрю запрыгивает в свою машину и уезжает. Я остаюсь на парковке и размышляю о сердитых русских девушках и черных платьях.

Глава 7

Настя

У меня ощущение, будто я чего-то жду. Жду, когда случится то, что еще не произошло. И, кроме этого, не чувствую больше ничего. Я даже, не уверена, существую ли. А потом кто-то щелкает выключателем, и свет гаснет, комната исчезает, следом за ней – невесомость. Я хочу крикнуть: «Подождите, я еще не готова», – но мне такой возможности не дают. Никто не смягчает процесс. Не уговаривает. Ничего подобного. Меня резко выдергивают, отчего голова откидывается назад. Я в темноте, и все болит. Слишком много ощущений. Каждое нервное окончание горит. Потрясение как при рождении. А после все

вспыхивает разом. Цвета, голоса, машины, резкие слова. Только не боль. Она постоянна, неизменна, нескончаема. Это все, что я осознаю.

Я больше не хочу просыпаться.

* * *

Наконец я пережила свой второй понедельник в школе. Казалось бы, этот дурацкий день должен был выжать из меня все соки, но нет – я никак не могу заснуть. Лежу в кровати уже два часа. Скорее всего, время уже за полночь, но точно сказать не могу, потому что с кровати мне не видно часов. Вспоминаю про свою тетрадь, лежащую под матрасом. Запускаю под него руку и касаюсь обложки. Мои три с половиной страницы уже исписаны, все разложено по полочкам, а сна ни в одном глазу. Может, если написать еще, станет легче? Только это не принесет той изматывающей усталости, в которой так нуждается мой организм. Поэтому я вытаскиваю руку и опускаю ее на живот, сжимая и разжимая ладонь в такт своему дыханию.

Ливень стих. Я откидываю одеяло и выглядываю в окно, выходящее на задний двор. В кромешной тьме не понять, насколько дождь сильный, так что я решаю выйти в прихожую. Вглядываюсь в луч, отбрасываемый ближайшим уличным фонарем. В желтом сиянии, отражающемся от мокрой мостовой, не видно капель. Я мигом скидываю свою импровизированную пижаму, не успеваю вернуться в спальню. В голове крутится навязчивая мысль о пробежке, мучающая меня последние несколько дней: как я бегу, вдалбливая свою злость в тротуар и оставляя ее позади. В считаные минуты я натягиваю шорты для бега и футболку, обуваюсь в кеды. Мои ноги говорят мне «спасибо». Бросаю взгляд на часы: 00.30. Цепляю перцовый баллончик на пояс, а в правой руке сжимаю куботан[1 - Куботан – брелок с ключами для самозащиты в виде жесткого стержня из пластика, разработанный Сокэ Кубота Такаюки.] с ключами, хотя с ним ужасно неудобно бегать. Но это мой гарант защиты. Зажатый в руке, он дарит мне иллюзию безопасности, которой не существует.

Я запираю за собой дверь и сбегаю по дорожке на мокрую после дождя улицу. Заставляю себя бежать трусцой, хотя это непросто. Мне хочется сразу сорваться с места, мчаться до тех пор, пока не закончится дыхание и всего кислорода в мире не хватит, чтобы спасти меня от удушья. Воздух невыносимо влажный, особенно вкупе со зноем уходящего лета, но мне все равно. Просто вспотею чуть

больше – ничего страшного, с этим можно справиться. С каждой каплей пота из меня выходит напряжение, забирая с собой тревогу и силы, так что я рухну и провалюсь в сон сегодня же ночью, утром или когда смогу доползти до кровати. Может, я вообще до самой школы не усну, а потом весь день буду ходить как зомби. Оно и к лучшему.

Ноги не слушаются и переходят на полноценный бег лишь несколько секунд спустя, после того как я оказываюсь на дороге. Позже они возненавидят меня, но это того стоит. Поскольку к нагрузкам я привыкла, то бегу быстро. Жаль, что передо мной не длинное прямое шоссе, иначе можно было бы бежать по нему, не сворачивая, не думая и не принимая никаких решений. Подчиняясь прихоти своих ног, я бездумно сворачиваю вправо, не обращая внимания ни на дома, ни на машины. За последнюю пару недель моему телу и разуму этого очень не хватало: сначала мешали проблемы из-за переезда к Марго, а после из-за льющего каждый вечер дождя приходилось сидеть дома. Если я могу бегать только по ночам – ждать до глубокой ночи, пока погода прояснится, – то буду это делать. Но больше без пробежек на такой долгий срок я не останусь.

Моя самая первая пробежка закончилась тем, что меня вырвало прямо на кеды. Это был один из лучших вечеров в моей жизни. Но начинался он по-другому. Я ругалась со своими родителями. А после выслушивала, как они ссорятся друг с другом из-за меня. Я сидела, сидела и сидела в своей комнате на одеяле, точно таком же, под каким сплю здесь. Я находилась там до тех пор, пока это не стало невыносимо. Мне больше не хотелось оставаться в этом доме, слушать очередную перепалку, причиной которой была я. Отец спрашивал у матери, почему она продолжает винить себя, а она спрашивала у него, почему ему на все плевать. Тогда отец говорил, что убит горем, но не собирается тонуть в нем. А мама отвечала, что пока в нем тону я, она будет чувствовать то же самое. И так продолжалось до бесконечности, изо дня в день.

Было девять часов вечера, среди обуви я смогла отыскать только кеды. Сунула в них ноги без носков, сбежала вниз по лестнице, распахнула дверь и, не закрывая ее, вылетела на улицу. Это был мой первый, настоящий в буквальном смысле побег. Я бежала, бежала и бежала. Не было ни предварительного разогрева, ни разгона, ни конечной цели. Мне важно было убежать.

Даже не знаю, как много мне удалось пробежать в тот вечер – наверное, не очень, – прежде чем я начала задыхаться. Легкие заныли от боли, живот сковали спазмы, и меня вырвало прямо там, где я стояла. Это было потрясающе. Полное

освобождение. Разрушение и возрождение. Совершенство. Я села на землю и заплакала. Мое тело разразилось отвратительными рыданиями: я всхлипывала, давилась слезами, издавая царапающие горло хрипы. А потом встала и пошла домой.

С тех пор я бегала каждый вечер. Научилась контролировать себя, разминаться перед пробежкой и набирать скорость постепенно, но в конечном счете все равно срывалась: бежала чересчур долго сломя голову. Мой психотерапевт сказал родителям, что для меня это полезно. Не столько, может, рвота, сколько бег в целом. Здоровый выплеск энергии. Моим родителям нравится слово «здоровый».

Пару раз папа пытался бегать со мной. Честно, пытался. Но я не могла отставать из-за него, а он не мог за мной угнаться. Да и вряд ли ему нравилось изнурять себя до рвоты так, как мне. Я бегала лишь для того, чтобы выжимать себя до последней капли, чтобы не оставалось сил на сожаления, страх и воспоминания. Сейчас для полного истощения приходится тратить намного больше сил. С каждым днем я бегаю все дольше. Становится сложнее добиваться столь любимой мной смертельной усталости, потому что после бега я хочу чувствовать себя опустошенной, выжатой как лимон, и пока мне это удается. Бег – единственное лекарство, которое я сегодня принимаю.

Легкие в порядке, но живот сдавливают спазмы. За последнее время я бегала не много, а потому ночью, надеюсь, отключусь быстро. Каждый мой шаг выгоняет дурь из моей головы, пока в ней не воцаряется пустота. Конечно, днем, когда появятся силы для новых мыслей, дурь вернется, а пока мне и этого достаточно. Вместе с мыслями утекают остатки энергии и адреналина, оставляя меня наедине с хорошо знакомой мне тошнотой. Я перехожу на легкий бег, а потом и вовсе иду в надежде, что живот немного успокоится, но это не помогает.

Ноги останавливаются, давая мне возможность осмотреться. Я ищу канавку или подходящую живую изгородь, куда можно опустошить желудок, и впервые, с тех пор как выскочила за дверь, обращаю внимание на окрестности. На этой улице я никогда не была. Не знаю, как далеко забежала, но место мне незнакомо. Уже поздно. Почти во всех домах не горит свет. Я пытаюсь справиться с мгновенно участившимся дыханием, и рвотный рефлекс гонит меня к ближайшей изгороди. Не рассчитав дистанцию, я врезаюсь прямо в нее. Шипы. Ну конечно. Только их мне не хватало. Пока я продираюсь вперед, колючки больно впиваются в ноги, но сейчас некогда их вытаскивать – меня выворачивает наизнанку. Когда

желудок опустошен, я как можно аккуратнее выбираюсь из изгороди, стараясь не пораниться еще сильнее. Все бесполезно: на поврежденной коже икр проступают капли крови. Но меня это волнует меньше всего.

Я зажмуриваюсь, а потом снова открываю глаза. Заставляю себя оглядеться по сторонам, чтобы вспомнить, где нахожусь и, что еще важнее, как далеко мой дом.

В животе вместо тошноты поселяется иного рода страх. Все дома в округе совершенно одинаковые. Таблички с названием улицы нигде нет. Но я знаю, что забежала далеко, потому что неслась очень быстро и по пути ни на что не обращала внимания. Я нарушила все возможные правила и поплатилась за это. Мокрая от пота стою посреди ночи одна, в темноте.

Инстинктивно ощупываю карман в поисках телефона, чтобы воспользоваться системой навигации. Пусто. Разумеется, я его не взяла. Выбежала из дома так быстро, что напрочь забыла о нем. А все потому, что вела себе безответственно и в спешке не думала ни о чем, кроме себя, бега на свежем воздухе и кед.

Я шагаю по тротуару. Должно быть, нахожусь на самой окраине города, неподалеку от окружающего местность природного заповедника. Знаю, что эта дорога, скорее всего, огибает весь район, а значит, стоит держаться ее, чтобы вернуться в знакомое место. Но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется убраться подальше от этих деревьев. За ними ничего не видно, я не могу контролировать то, что может выскочить из них. Доносится множество непонятных звуков.

Там, где я стою, фонарей нет, но вдали виднеется слабое желтое свечение. Окутанные тьмой дома на другой стороне улицы спят. Как и все нормальные люди в этот час. Живот продолжает сводить, но это ощущение затмевает страх от осознания, что я могла потеряться.

Начинаю раскручивать в руке куботан, пока движение ключей не превращается в размытое пятно. Я прислушиваюсь к царящей вокруг меня тишине. Слышу все: гул уличных фонарей над головой, стрекот сверчков, неразборчивые голоса из работающего где-то телевизора и какой-то еще непонятный мне звук. Ритмичный и шершавый. Я вглядываюсь в темноту, туда, откуда он раздается, и вижу свет, льющийся из одного дома в конце улицы. Он ярче тех, что излучают

лампы на крыльце. Я направляюсь к нему, еще не понимая, что ожидаю там отыскать. Может, тот, кто не спит, подскажет мне дорогу. А как ты собираешься спрашивать, идиотка? Ритмичный скрежет не прекращается. Звук тихий, почти мелодичный, и я иду на него. По мере приближения к дому он становится громче, хотя по-прежнему непонятно, что его издает. И вот я рядом.

Останавливаюсь на подъездной дорожке напротив бледно-желтого дома. Дверь ярко освещенного гаража открыта настежь. Мне хочется узнать, есть ли кто-то внутри, не приближаясь к нему, но ноги сами несут меня дальше, на манящий свет. Ступив на порог, я застываю как вкопанная, в голове крутится всего одна мысль: я знаю это место. Несмело захожу внутрь, оглядываюсь по сторонам, вспоминая детали помещения, где никогда, я уверена, не была. Я знаю это место. Назойливая мысль прочно заседает в мозгу. Вместе с ней я наконец замечаю ритмичный гул, не смолкающий у меня в ушах. За верстаком у дальней стены гаража сидит человек. Его руки двигаются взад и вперед, шлифуя узкий край деревянной балки. Мои глаза, словно загипнотизированные, прикованы к этим рукам. Я отрываюсь от них и перевожу взгляд на падающие на пол опилки, поблескивающие на свету. Я знаю это место. Мысль продолжает преследовать меня. Я резко втягиваю воздух. Мне нужна секунда. Всего одна, чтобы разобраться, что все это значит. Я знаю это место. Но не успеваю я подумать, как руки замирают, скрежет смолкает, и человек в гараже поворачивается ко мне лицом.

Его я тоже знаю.

Глава 8

Настя

Залитый светом флуоресцентных ламп, Джош Беннетт разглядывает меня из глубины гаража. Я не двигаюсь и не отвожу глаза. В его взгляде нет и тени узнавания – он вообще понимает, кто перед ним? И только потом я осознаю, что выгляжу, должно быть, совсем иначе. Мои волосы стянуты в хвост, на лице, мокром от пота и, наверное, сильно раскрасневшемся, ни следа косметики. На мне форма для бега, а на ногах – кеды. Не думаю, что сама узнала бы себя, не

знай я, что скрывается под той дрянью, в которой меня видят в школе. Я уже жалею, что хотя бы не накрасила глаза, потому что чувствую себя буквально голой, стоя в свете лампы, под взглядом этого парня. Тот буравит меня глазами. Меня явно оценивают, но непонятно, по каким критериям.

– Как ты узнала, где я живу? – Джош раздражен и даже не скрывает обвиняющего тона.

Ясно же как день, что я ничего не знала: это место было бы последним на Земле, куда бы я пришла. Но он, скорее всего, теперь считает, будто я преследую его. Я крепче сжимаю куботан в правой руке, хотя реальной опасности нет: левая ладонь, пусть и пустая, повторяет за ней. Наверное, вид у меня безумный и, может быть, одновременно растерянный.

Его взгляд опускается к моим ногам: их пересекают кровавые царапины, оставленные безжалостными ветками изгороди, – а после возвращается к моему лицу. Интересно, что он видит в нем? Чувствует ли мою опустошенность? Я не хотела, чтобы кто-то видел меня такой, меньше всего Джош Беннетт, которого по непонятной причине мне, очевидно, следует бояться или боготворить. Он случайно не носит на пальце кольцо? А то, может, мне нужно поцеловать его, преклонив перед ним колени?

Кому-то из нас придется моргнуть первым, поэтому я осторожно отступаю назад, словно пытаясь ускользнуть от хищника. Надеюсь, он не заметит моих действий, пока я окончательно не скроюсь из виду. Я уже заношу ногу для следующего шага.

– Тебя подвезти домой? – Он отводит взгляд до того, как заканчивает фразу, из его интонаций пропадает резкость. Моя нога опускается на пол – жестче, чем я хотела. Будь у меня список реплик, которые в этой ситуации мог бы сказать мне Джош Беннетт, предложение подвезти не вошло бы даже в первую полусотню. Его голос, как обычно, лишен всяких эмоций. На самом деле я не хочу, чтобы меня кто-то подвозил, но другого выхода нет – мне это нужно. И хуже всего то, что помощь исходит от человека, который явно меня на дух не переносит. Но я не настолько гордая, чтобы отказываться.

В конце концов я киваю, открываю и тут же закрываю рот, потому что действительно хочу что-то сказать, пусть и не знаю что. Джош встает, подходит

к двери, ведущей в дом, и приоткрывает ее настолько, чтобы просунуть руку и снять связку ключей, должно быть, висящую на стене с внутренней стороны. Уже собирается захлопнуть дверь, как снова заглядывает внутрь и на миг замирает, словно к чему-то прислушивается. Наверное, проверяет, не проснулись ли родители. Это вряд ли. В такой поздний час они точно спят, как и весь остальной цивилизованный мир. Кроме меня. И Джоша Беннетта, который, очевидно, любит глубокими ночами стругать дерево в своем гараже. Я осматриваю помещение, пытаясь понять, над чем именно он сейчас работает, но замечаю только ничего не говорящие мне куски древесины и инструменты. Еще раз напоследок бросаю взгляд на гараж, сохраняя его в памяти. Как ни противно это признавать, но я знаю, что вернусь сюда снова.

Выхожу на подъездную дорожку и встаю рядом с грузовиком. Другого автомобиля здесь не видно, а значит, собственной машины у него нет. Сам грузовик красивый. Даже я это признаю, хотя не являюсь большой поклонницей пикапов. По всей видимости, его отец хорошо за ним ухаживает. Моя-то машина не так блестит – ненавижу ее мыть. Хорошо, если под грязью можно определить, какого она цвета.

В эту минуту Джош направляется к небольшому холодильнику, спрятанному под одним из верстаков, и достает из него бутылку воды. Затем возвращается к машине и, прежде чем отпереть пассажирскую дверь, молча протягивает ее мне. Я забираю у него бутылку, при виде которой тут же осознаю, насколько сильно, должно быть, вспотела. А потом разворачиваюсь, чтобы сесть в машину. Какое счастье, что я не в юбке: из-за своего небольшого роста мне приходится высоко задирать ногу. Как только я устраиваюсь на сиденье, Джош закрывает за мной дверь, обходит машину и занимает место водителя. Делает он это гораздо изящнее меня, словно был создан для того, чтобы запрыгивать в грузовики. Даже не знаю, можно ли мне ненавидеть Джоша Беннетта, но во мне уже зарождается неприязнь к нему.

И вот мы сидим. Парень не смотрит на меня и при этом не заводит двигатель. Какого черта он ждет? Возможно, блуждание в темноте было не самой худшей перспективой. Время застывает, мне кажется, это не кончится никогда. И тут меня осеняет: по своей глупости я решила, будто он хочет заставить меня нервничать, а на самом деле просто не знает, куда ехать. Я оглядываю салон в поисках того, на чем можно писать. Бесполезно. Здесь царят идеальная чистота и порядок – чище машины я не видела. Когда завтра утром я сяду в свой автомобиль, тот покажется мне настоящей помойкой по сравнению с этим. Но

прежде чем я успеваю обратить на него умоляющий взгляд в надежде, что он меня поймет, Джош снимает навигатор с приборной панели и вручает мне – вбить адрес.

Поездка домой оказывается до абсурда короткой. Всего несколько минут – и мы уже у Марго. Даже как-то глупо, что ему пришлось меня подвозить. Пока мы ехали, я старалась запоминать дорогу. Якобы для того, чтобы снова не заблудиться, убеждаю себя, а на самом деле – просто чтобы вернуться к его гаражу вновь.

Наверное, стоит поблагодарить Джоша, но моя признательность ему не нужна – мне вообще кажется, его больше устраивает молчание. Только он въезжает на подъездную дорогу, как я, прежде чем машина успевает затормозить, тянусь к ручке двери, дабы поскорее избавить нас обоих от неловкости. Спрыгиваю на землю и поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь. Я не говорю ему спасибо. Он не желает мне спокойной ночи, но все же произносит:

– Ты совсем другая.

В ответ я захлопываю перед ним дверцу.

Глава 9

Настя

Перед началом урока труда Джош Беннетт входит в класс и направляется прямиком к моему столу. Я стараюсь не смотреть в его сторону, но сдерживаюсь с огромным трудом. Не хочу, чтобы он заметил на себе мой взгляд. Однако вскоре у меня не остается выбора: он останавливается передо мной, глядя мне прямо в глаза. Я отвечаю ему тем же, чуть не выкрикнув: «Что?!» Буквально представляю, как слово вместе со всеми знаками препинания в молчаливом запале срывается с моих губ, потому что он единственный известный мне человек, кто всерьез способен вывести меня из себя с непроницаемым выражением лица. Неужели его раздражают все вокруг или это только у меня

особый дар? Похоже, даже одно мое существование, не говоря уже о том, что я дышу с ним одним воздухом в этой драгоценной мастерской, вызывают у него крайнее возмущение.

– Здесь сижу я, – наконец произносит он. И вновь в его голосе не слышно злости, лишь констатация факта: таков порядок вещей, и мне, как и всем остальным, следует его знать. Это значит, я должна встать и пересесть? Но куда? Сам мистер Тернер сюда меня посадил. Я пытаюсь решить, как мне себя повести: продолжать игру в гляделки с Джошем Беннеттом или все-таки пересесть, поскольку у нашей практически молчаливой перепалки уже появились зрители. Но не успеваю принять решение: мистер Тернер подзывает Джоша к себе. Тот оставляет учебники на моем – или своем? – столе, ясно давая понять, что это его место и он не собирается его уступать, и идет в начало класса. Я вижу, как мистер Тернер смотрит то на меня, то на Джоша, пока, по всей видимости, объясняет ему, что это он предложил мне занять эту парту. Неизвестно, станет ли Джош упорно настаивать на своем, но, судя по всему, обычно так все и происходит. Я не позволю ему тешить свое самолюбие за мой счет и до его возвращения освобождаю стол сама.

Больше свободных мест в классе нет – я сидела на последнем. Можно еще пристроиться за парту к другому ученику, но я не хочу ни с кем сидеть, чтобы не смущать себя и того, кому придется терпеть меня рядом. К тому же я люблю места в самом конце, потому что знаю, что за спиной у меня – никого.

По всему периметру мастерской тянется рабочий стол, под ним – встроенные шкафчики для хранения инструментов. Я забираю свои учебники и кладу на него. В надежде, что не буду здесь смотреться как бельмо на глазу, взбираюсь на столешницу, поворачиваюсь лицом к классу и вижу, что Джош возвращается на свое место. Он повернут ко всем спиной и, не глядя в мою сторону, говорит – настолько тихо, что, кроме меня, я уверена, его никто не слышит:

– Я не собирался тебя прогонять.

Даже не знаю, что в этой ситуации меня злит больше: что он полагает, будто в его власти заставить меня пересесть, или что я должна чувствовать себя виноватой, потому что неправильно истолковала его действия. Наверное, я никогда не пойму Джоша Беннетта. Да и зачем вообще пытаюсь?

* * *

– Сегодня у Тревора Мейсона вечеринка. Хочешь пойти?

Я перевожу взгляд на Дрю. Мы сидим на уроке ораторского искусства. Сейчас почти половина третьего, и я пытаюсь до звонка найти в интернете последние пять фактов для своего задания, чтобы не пришлось его доделывать вечером или в выходные. Уж не знаю, над чем работает Дрю, кроме того, что пристает ко мне, но за весь урок он ничего не сделал. Хотя за свое безделье сто процентов получит «пятерку». У него здесь все схвачено.

О чем он там спрашивал? Предложение было настолько прямолинейным и на удивление лишенным всякой двусмысленности, что я на миг растерялась. Пойти сегодня на вечеринку? Весьма неожиданно. Дрю с первого дня пытается сразить меня своим обаянием. Я бы назвала наше с ним общение дружеским подшучиванием, если бы с моей стороны существовало нечто большее, чем язвительные взгляды или жесты, да и те изредка. Несколько дней назад он даже пробовал со мной переписываться, но я быстро пресекла его попытку. Записки предназначены исключительно для изложения фактов, передачи актуальной информации, а не ведения бесед.

Пойти на вечеринку с Дрю? Почему бы и нет? Сама удивляюсь такому решению. Но ведь и правда, почему нет? Конечно, найдется сотня причин против, потому что, если посмотреть правде в глаза, он приглашает меня не за блестящее остроумие и смешные анекдоты. Однако, к моему огорчению, Дрю – один из немногих аспектов моей жизни, который не ввергает в ужас. Рядом с ним я по крайней мере не теряю контроль. Я могу справиться с Дрю. Он не пугает меня, и сейчас этого достаточно. Несмотря на его поведение откровенного бабника и маску дерзкого соблазнителя, он мне даже нравится. Не как мужчина, нет. Просто симпатичен. Интересно, что это говорит обо мне? Дрю веселый, а сейчас я остро нуждаюсь в веселье. Я киваю ему. На вечеринку? Без проблем. На его лице мелькает удивление. Черт, да я сама удивлена. А потом его губы расплываются в самодовольной улыбке: я знал, что ты согласишься.

– Тогда заеду за тобой в девять? – спрашивает он.

Я снова киваю, достаю из рюкзака тетрадь и вырываю из нее листок. Беру ручку, которую он протягивает мне, и пишу свой адрес, потому что адрес – приемлемая

информация.

– Тебе стоит надеть черное, – ухмыляется Дрю, пока я пишу. Последние две недели я только черное и ношу.

Я отдаю листок с адресом, замечая в его глазах победный блеск. Склоняю голову набок, мой взгляд скользит по его облику стильного красавчика сверху вниз и возвращается к лицу. После чего пожимаю плечами и ухожу.

Глава 10

Джош

Вскоре после полуночи к моему дому подъезжает Дрю, и я сразу понимаю: не к добру это. Отложив в сторону карандаш, которым отмечаю замеры, я наблюдаю за тем, как он выбирается из машины и направляется к гаражу.

– Старик, мне нужна твоя помощь.

– Даже не сомневаюсь.

– Забери, пожалуйста, Настю.

Забрать Настю? Поначалу я не понимаю, откуда должен ее забрать, а потом бросаю взгляд в сторону его машины – теперь ясно.

– Что? Даже не проси. – Я смотрю мимо него на темную фигуру, развалившуюся на переднем сиденье его автомобиля. – Что ты с ней сделал? Она вообще в сознании?

– Ничего. И нет, – оправдывается он, проследив за направлением моего взгляда. Мы оба стоим в моем гараже: он – скрестив руки на груди, я – засунув руки в карманы, – и высматриваем в его машине какие-либо признаки движения за ветровым стеклом. – Она просто немного перебрала.

– Перебрала чего?

– «Огнемета». – Говоря это, Дрю отводит глаза.

– Какой козел дал ей «Огнемет»? – Друг только молча смотрит на меня – этого ответа более чем достаточно. Вот идиот. «Огнемет» представляет собой спирт, разбавленный вишневым «Кулэйдом»[2 - «Кулэйд» – название растворимого порошка для приготовления фруктовых прохладительных напитков.]. С таким же успехом он мог дать ей хлороформ. – О чем ты думал? Она же весит не больше гири.

– Да, я все понял, папочка. Спасибо за лекцию, но это не решает проблему. Тем более откуда я мог знать, что он ее свалит? С виду такая крутая девчонка.

– Ага, крутая, а весит как гиря. – Она действительно выглядит круто. Я видел ее руки, да и вся она – сплошные мышцы. Довольно странное и пугающее зрелище – как будто тело принадлежит не ей. Небольшого роста, хрупкой внешности, а сама напоминает своеобразного наемного убийцу-подростка: несокрушимая, одетая во все черное и готовая завалить любого. И всему этому нет объяснения. Ее облик приводит в замешательство. Она словно оптическая иллюзия. Смотришь на нее с одного ракурса, видишь картинку и думаешь, вот оно, а потом изображение смещается, и перед тобой уже совсем другой человек, а от предыдущего не осталось и следа. Вот такой нешуточный глюк.

– Джош, я серьезно. Мне нельзя приводить ее домой в таком виде, а если я снова нарушу комендантский час, мать мне яйца оторвет. – Этим доводом меня не убедить. Я бы все отдал, чтобы посмотреть, как Дрю наконец-то всыплют по первое число. Его матушку, милейшую женщину, способен разозлить только один человек – и сейчас он стоит передо мной, умоляя об отсрочке наказания, а может, даже кастрации. Но я не могу сказать ему «нет». И он знал об этом, направляясь сюда. Просьба о помощи – всего лишь формальность. Ведь я никогда не отказываю Дрю.

Я подхожу к машине с пассажирской стороны и открываю дверцу. Пытаюсь разбудить девчонку, спрашиваю, может ли она сама дойти до дома. Она чуть шевелится, открывает глаза. Ее взгляд никак не может сфокусироваться на мне, а потом голова под собственной тяжестью падает на грудь – теперь понятно, что никуда идти она не может. Настя даже не двигается, когда я вытаскиваю ее из

машины и на руках несу к дому.

– Ну и гад же ты, Дрю, – бормочу я на ходу.

Он приваливается к машине и вздыхает:

– И не говори.

Настя

Я с трудом открываю глаза и первое время пытаюсь сообразить, где нахожусь. Дается это нелегко, потому что я понятия не имею, и меня это чертовски пугает. Убираю волосы с лица, чтобы оглядеться по сторонам и выяснить, что вообще происходит. Относительно вчерашнего вечера я уверена лишь в трех вещах: какие-то маленькие эльфы взобрались по мне и спутали мои волосы в кучу крошечных узелков; спала я, должно быть, с открытым ртом, потому что в него кто-то влез и там сдох; и меня сквозь воронку засосало в какой-то мультяшный мир, где на голову мне рухнула наковальня.

Я прижимаю руку ко лбу, пытаясь утихомирить стук в голове, пока, не без усилий, принимаю сидячее положение. Я на чьем-то диване. Я на чьем-то диване. Я на чьем-то диване. Как только память возвращается ко мне, я хочу тут же все забыть.

– Доброе утро, Солнышко! – Проклятый Джош Беннетт. Уверена, именно так и записано в его свидетельстве о рождении. Я не успеваю выяснить, что делаю тут и какую игру он ведет, потому что Джош продолжает говорить, не затыкаясь, с деланым радостным волнением. Может, настоящего Джоша Беннетта похитили инопланетяне или забрали те самые эльфы, после того как спутали мои волосы? – Рад, что ты очнулась. А то я уже начал беспокоиться. Тебя ночью таким фонтаном рвало. – Я морщусь – то ли от физической боли, то ли от стыда. Он видит мое смущение, но его это ничуть не останавливает. Напротив, по-моему, подстегивает. – Но тебе не стоит забивать этим свою прелестную головку, – с фальшивой искренностью говорит он, потом замолкает и смеряет меня взглядом. – Пусть сегодня она не такая уж прелестная, а вчера – так и

подавно, все равно не переживай. Всего-то понадобилось четыре-пять полотенец, чтобы все убрать, а запах, я уверен, выветрится через пару дней. Надеюсь, твои волосы не слишком запачкались. Я старался как мог, хотя с хвостом, пожалуй, было бы намного легче.

Джош Беннетт вытирал мою рвоту. Великолепно. А сейчас мне за это мстит – причем вовсю наслаждается процессом. Даже не знаю, кто хуже: Джош Беннетт – сердитый папочка или Джош Беннетт – саркастичный шутник. В любом случае мне хочется врезать им обоим, только, боюсь, не смогу руку поднять.

И вообще, какого черта я здесь делаю? Последнее, что я помню, – это мы с Дрю на шумной вечеринке, народу полно, я пью какой-то сомнительный напиток, вкусом непохожий на алкоголь. Окидываю взглядом свою внешность и с огромным облегчением отмечаю, что на мне вчерашняя одежда, пусть и заляпанная, теперь я знаю, рвотой. По крайней мере Джошу Беннетту не пришлось меня раздевать и давать мне свои чистые трусы. От этой мысли легче не становится. Несмотря на то что вся моя одежда на мне, мой бюстгальтер подозрительным образом исчез. Возможно, валяется где-нибудь на полу – я пытаюсь оглядеться, но любое движение головы отзывается болью.

А тем временем Джош продолжает говорить. Я с трудом разбираю слова, хотя его голос словно бубнит внутри моего черепа. До сих пор вещает про волосы. Мол, всем пьяным девушкам необходимо ходить с хвостом. И ведь даже не старается говорить тише. Наверное, возомнил себя на сцене театра и теперь во все горло пытается докричаться до последних рядов.

Я поднимаю на него глаза: выглядит ужасно. Спал ли он вообще? А еще заметно злится. Оно и понятно: ведь сейчас несусветная рань, утро субботы, а у него на диване сидит странная девица – та самая, что вчера фонтаном блевала в его ванной, пока он держал ее волосы. Но, думаю, не стоит судить его строго – да и вообще не стоит судить, – тем более теперь, когда он уходит на кухню и возвращается со стаканом ледяной воды, которая так отчаянно мне сейчас нужна. Я гляжу на стакан в его руке: он протягивает мне крохотную стопку. Это что, в целях экономии воды? Чтобы утолить жажду, мне таких штук восемнадцать понадобится. Я забираю у него стакан, с благодарностью подношу к губам и осушаю одним залпом. Жидкость обжигает горло и сразу же просится наружу. Какого черта? Это же водка. Я выплевываю ее, даже не разбирая, куда именно, и начинаю давиться. Желудок сжимается, содрогается в конвульсиях, но больше из меня ничего не выходит. Я бросаю злобный взгляд на Джоша

Беннетта, который смотрит на меня с… недоверием? Раскаянием? Страхом?

– Черт! Я не думал, что ты станешь пить. – Джош выхватывает у меня стакан. А что я, по его мнению, должна была делать? Умыться? – Думал, ты сумеешь догадаться. – У него виноватый вид. – Это была шутка. По всей видимости, дурацкая, – бормочет он себе под нос, потом скрывается на кухне и возвращается с еще одним полотенцем. Ему явно предстоит стирка на целый день. Как он все это объяснит родителям? Просто чудо, что они еще не спустились сюда, желая разобраться, что тут происходит. Я вырываю полотенце у него из рук и принимаюсь вытирать пол. Даже если в этот раз все случилось по его вине, мне не хочется быть ему чем-то обязанной. Он возвышается надо мной, пока я пытаюсь убрать лужу водки. Наверное, зрелище еще то: я стою на четвереньках, с волосами, лицом и одеждой, напоминающими о жестокой шутке, которой стала эта ночь.

Я поднимаю на него глаза – они полны злости. Я сержусь на Джоша за то, что он стал свидетелем моего постыдного унижения и что я, как бы он ни радовался моему падению, все же должна быть ему признательна. А вот по милости Дрю со мной случилось худшее, что могло быть. Лучше бы он бросил меня на крыльце тетиного дома, пусть бы она нашла меня, чем отдал на растерзание Джошу Беннетту. Как только эта мысль проносится в моей голове, я понимаю, что это не совсем правда. Хотя, казалось бы, должна быть. Я осознаю, что все это время сверлю Джоша гневным взглядом. Тот, похоже, что-то прочитал на моем лице, потому что теперь улыбается. Улыбается. Почти по-настоящему. Но я не уверена, поскольку ни разу не видела улыбки на его лице. В школе он изо дня в день ходит с непроницаемым выражением, будто ничто в этом мире его нисколько не трогает. Тут я вспоминаю про свою теорию о похищении инопланетянами и даже начинаю допускать такую возможность, когда он говорит:

– Наверное, сейчас тебе хочется послать меня куда подальше, да, Солнышко? – Он по-прежнему насмехается надо мной. Я прищуриваю глаза, как только слышу его обращение – «солнышко». Тактическая ошибка с моей стороны, потому что теперь ему известно, что меня это раздражает, а ему нравится меня изводить. – А что такого? Солнышко тебе идет. Оно яркое, теплое и счастливое. Прямо. Как. Ты.

И тут меня прорывает. Я не могу сдержаться. Несмотря на свое гадкое состояние, дурацкий внешний вид, злость на саму себя, Дрю, проклятого Джоша Беннетта и напиток с обманчивым вкусом вишневого «Кулэйда». Меня накрывает

нелепость всей сложившейся ситуации, и впервые за очень долгое время я смеюсь. Возможно, смех не настоящий и похож на безумное кудахтанье неуравновешенной девицы, но мне все равно. Я получаю от него удовольствие, к тому же вряд ли смогла бы контролировать его, даже если бы попыталась. Улыбка сходит с его лица. Мы словно меняемся местами: теперь он пребывает в замешательстве. Смотрит на меня как на чокнутую. Должно быть, я удивила его. Твоя взяла, Джош Беннетт. Ты это заслужил.

Когда моя истерика стихает, он забирает у меня пропитанное водкой полотенце и снова уходит на кухню. Мне впервые с момента пробуждения удается рассмотреть комнату. Обстановка довольно простая. Современных вещей немного. Почти вся мебель, кроме дивана, выполнена из дерева, что неудивительно. Но при этом вся разношерстная – вряд ли здесь найдутся два предмета из одного гарнитура. У каждого свой стиль, тип древесины и отделка. Возможно, что-то из этого сделал он сам.

Но самое странное другое: здесь как минимум три кофейных столика. Тот, что стоит перед диваном, где я сижу, ничего особенного собой не представляет. Простой стол с прямоугольными краями и потертой столешницей от того, что много лет на него ставили стаканы без подставок. Он бы смотрелся здесь уместно, если бы не наличие в другом конце комнаты еще двух столов, которые обычными никак не назовешь. Они словно из другого мира. Я подхожу к ним, чтобы внимательно рассмотреть. Это не совсем кофейные столики в привычном для нас понимании, но я не знаю, как их еще назвать. Выглядят старинными. Богато украшенные, но в то же время сдержанные. Непонятно, зачем их так бесцеремонно задвинули к стене, в самый угол. Я опускаюсь на колени и провожу пальцами по изогнутой ножке ближайшего ко мне стола, но, заслышав шаги Джоша, быстро возвращаюсь на диван. Не хочу, чтобы он подумал, будто я… Будто я что? Глажу его мебель? Не знаю. Просто не хочу, чтобы он что-нибудь подумал.

В комнату Джош заходит с огромной пластиковой больничной кружкой. Дома у меня таких целая коллекция: белые с бирюзовыми надписями. А у него в руках – с красными буквами. Он протягивает мне кружку.

– Вода. – Я смеряю его недоверчивым взглядом. – На этот раз настоящая. Клянусь.

Я выпиваю всю воду вместе с таблеткой ибупрофена, которую он мне дает. Потом Джош молча забирает мою кружку, уходит и через минуту возвращается с полной. Заставляет меня выпить и ее, чему я не слишком рада, потому что хочу поскорее отсюда уйти. Выгляжу я дерьмово, да и чувствую себя соответствующе. Что меня ждет в понедельник – неизвестно. Но подумаю об этом потом, когда моя голова перестанет раскалываться, а сама я не буду сидеть на диване Джоша Беннетта.

Я встаю, собираясь уйти, оглядываю себя и думаю, как бы спросить.

– На полу в ванной. – Говоря это, Джош улыбается, но смотрит не на меня, а в ковер. – В какой-то миг он тебя почему-то жутко разозлил. Ты одним движением стащила его с себя через рукав кофты и швырнула через всю комнату. Это было впечатляюще. – Замечательно. Вчерашний ужин, обугленные останки моего достоинства и теперь вдобавок нижнее белье. Что еще я оставила на полу в ванной Джоша Беннетта? Хотя стоит признать, даже в самый разгар своего позора мне кажется забавным, что он ни разу не произнес слово «бюстгальтер».

Джош взмахом руки показывает мне, где располагается ванная, и я как можно осторожнее направляюсь туда. Каждый шаг ударной волной, прокатывающейся от ног по всему телу, отдается в мозгу. Свой бюстгальтер я нахожу в углу комнаты, между ванной и унитазом: он с издевкой смотрит на меня с кафельного пола. Во всяком случае, на мне был черный кружевной. В такое ужасное утро не хватало только уродливого нижнего белья. Я нагибаюсь за ним, а сама думаю о том, как собрать остатки своего потерянного самоуважения. Ведь оно еще может мне пригодиться.

* * *

На этот раз Джош не спрашивает адрес. Всю обратную дорогу он молчит, и я не знаю, радоваться мне этому или нет. Он высаживает меня у дома Марго за полчаса до ее возвращения с работы. Этого времени мне хватит, чтобы принять душ, переодеться и встретить ее как ни в чем не бывало.

– Поправляйся, Солнышко. – Он не смотрит на меня, но я, закрывая дверцу машины, замечаю, что уголок его губ изогнут в улыбке.

Я размышляю над случившимся. Джош позволил мне переночевать на своем диване, в то время как Дрю просто-напросто бросил меня. Он держал мои волосы, пока меня тошнило, убирал за мной лужи рвоты, дал мне обезболивающее и заставил выпить два литра воды, чтобы не было обезвоживания. Во мне и близко нет ничего от солнышка, но после вчерашнего он заслужил полное право подшучивать надо мной. Так что, пожалуй, хотя бы какое-то время Джош Беннетт может называть меня так, как ему нравится.

Глава 11

Джош

В воскресенье в четыре часа дня раздается звонок в дверь. Я открываю и обнаруживаю на своем крыльце маму Дрю с пластиковым контейнером в руках.

– Сегодня воскресенье. И я приготовила соус. Дрю сказал, ты не придешь к нам на ужин, поэтому я решила занести его сама. – Она знает, что у меня никогда не получается соус для спагетти, отчего я злюсь, и всегда делится им со мной.

– Спасибо. – Я отхожу в сторону, открывая дверь шире, чтобы она могла войти. – Но вы могли бы прислать Дрю. Вам не стоило утруждаться и приходить самой.

– Дрю еще днем куда-то исчез. Наверное, упорхнул на свидание с очередной девушкой. – Она вопросительно вскидывает брови, глядя на меня. Я сохраняю невозмутимое лицо, а сам гадаю, знаю ли эту девушку. Забираю у миссис Лейтон контейнер и поворачиваюсь, чтобы убрать его в холодильник. Женщина устраивается на высоком табурете за кухонной стойкой, где стоит тарелка с печеньем, появившаяся на моем пороге некоторое время назад. – К тому же ты знаешь, что я люблю время от времени навещать тебя, узнавать, как у тебя дела. Даже если ты и не рассказываешь. – Она с улыбкой берет печенье с тарелки.

– Спасибо, – говорю я второй раз за несколько минут, сам не понимая, за что ее благодарю: за то, что она навещает меня, справляется о делах или не ждет от

меня ответов. А может, за все сразу. Наверное, миссис Лейтон можно благодарить целый день, но ей не нужна моя признательность.

– Ты мог бы облегчить мне жизнь и просто переехать к нам. – Она даже не пытается скрыть ухмылку на лице. Миссис Лейтон предлагает мне переехать к ним каждую неделю, с тех пор как я узнал, что дедушка скоро покинет меня. Ответ она всегда получает один и тот же, но свои попытки не прекращает. Даже не знаю, что я чувствовал бы, если б это все-таки произошло.

– Спасибо, – в очередной, уже третий раз повторяю я. Озвучивать отказ мне больше не требуется.

– Знаешь, я преследую довольно корыстные цели. Ты нужен мне, поскольку хорошо влияешь на Дрю. А кто-то ведь должен спасти этого парня от самого себя. Я еще не настолько стара, чтобы становиться бабушкой. – Она многозначительно смотрит на меня.

– Мне кажется, вы переоцениваете мои возможности.

– Джош, я люблю своего сына, но иногда прихожу к выводу, что единственное его достоинство – это общение с тобой. Возможно, только ты и удерживаешь меня от того, чтобы бросить его. – Она качает головой, но я знаю, что это не всерьез. Дрю – маменькин сынок до мозга костей. Просто чаще всего бывает той еще занозой в заднице. – Хм, а ты у нас скрытный. Когда это ты научился печь? – Она крутит надкусанное печенье в руке, рассматривая его.

– Это не я. – Молча смотрю на тарелку. Уже показалось дно, а по краям виден синий узор «огурцы». Наверное, тарелка из сервиза, надо будет ее вернуть. – Меня ими угостили.

– Угостили? – с подозрением переспрашивает миссис Лейтон. В ней просыпается интерес. Она уже устала расспрашивать Дрю о его девушках, потому что тот меняет их как перчатки. Но не перестает допытываться у меня и ждет тот день, когда я наконец ей расскажу. – Знаешь… – Она снова кусает печенье. – Тот, кто тебя угостил, умеет печь. Это очень вкусно.

– Вы не подумайте, я ничего не скрываю, – с улыбкой отвечаю я на невысказанный вслух вопрос. – Я правда не знаю, кто это. Обнаружил тарелку с

печеньем на своем крыльце сегодня утром.

– О, – произносит миссис Лейтон, вытаскивая печенье изо рта. Улыбка сходит с ее лица.

– Но у меня есть догадка. Так что вам ничего не грозит. – Лицо женщины смягчается, на нем мелькает облегчение. У меня есть догадка, кто это, но я не знаю наверняка. К печенью не было приложено записки, хотя мне почему-то кажется, что это был своего рода способ сказать «спасибо». Да и кто еще это мог быть? – Тем более я сам съел уже штук шесть. Если бы кто-то хотел меня отравить, мы бы уже об этом знали.

Мы говорим еще несколько минут, после чего мама Дрю встает, собираясь уходить, но напоследок переспрашивает, точно ли я не приду на ужин. Я подтверждаю свое решение, хотя она и так уже знает ответ. Я до сих пор злюсь на Дрю за пятницу, и пока у меня нет никакого желания разбираться с его проблемами.

* * *

– Сегодня утром я ждал ее на парковке, – говорит Дрю, когда в понедельник мы сталкиваемся с ним в школе до того, как звучит предупреждающий звонок. Он звонил мне вчера вечером, но я не стал брать трубку и стер его голосовое сообщение, даже не прослушав. Мы не говорили с ним с тех пор, как в субботу днем он заявился ко мне. Хотел узнать, что стало с Настей после того, как он бросил ее у меня. Я мог бы сказать «оставил», но мы оба знаем, что все было не так. И ладно бы Дрю искренне переживал, добралась ли она домой и как себя чувствует, но его в первую очередь волновало, злится ли она. Я не стал его переубеждать. Надеюсь, она действительно зла на него. Потому что есть за что.

– Она не разговаривает со мной, – смеется Дрю, пока мы вместе идем на первый урок. – Точнее, не отвечает мне своей характерной мимикой. Только палец показала, но это мог быть просто тик или спазм мышц.

– Разумеется, – поддакиваю я.

– Ты тоже все еще злишься на меня?

– Уже забыл.

– Оно и правильно. Я ведь привез к тебе домой пьяную красотку, которая к тому же не говорит. Настоящий подарок.

Я резко останавливаюсь и смотрю на Дрю, в очередной раз недоумевая, как мы можем дружить. Я хорошо его знаю и понимаю, что сейчас он говорит несерьезно. Дрю, может, осел и бабник, но точно не конченый придурок. Однако недовольства своего не скрываю. Сейчас он это заслужил.

– Ну уж прости, – говорю я совершенно неизвиняющимся тоном и продолжаю идти. – Я-то думал, ты просто попросил исправить твою ошибку. И не предполагал, что ты, как настоящий друг, привезешь мне пьяную девицу в отключке, чтобы я с ней развлекся. В следующий раз выражайся яснее, дабы я не упустил такую блестящую возможность. – Я даже не пытаюсь скрыть сарказм в своем голосе.

– Да ладно тебе, я же пошутил. – Дрю хотя бы хватает приличия сделать вид, будто он чувствует себя виноватым. – Я оставил ее с тобой, потому что знал, что ты ей ничего не сделаешь. – А теперь он выставляет меня каким-то монахом – это мне нравится не больше.

– Она этого не знает. Наверняка думает, что ты сделал именно то, о чем сейчас сказал. Бросил ее у какого-то незнакомого парня, даже не задумываясь о том, что с ней может случиться.

– А что случилось? В субботу ты был на меня так зол, что ни черта мне не рассказал.

– Видимо, потому, что полночи я убирал за ней рвоту, а другую половину следил, чтобы она ею не захлебнулась. – Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему – теперь Дрю понимает, что я не шучу. В этом нет ничего забавного. Я никогда не видел столько рвоты, как в ту ночь. Моя жизнь больше не будет прежней. – Хочешь знать, что было? Ее тошнило. Очень много. После этого она вырубилась. Утром проснулась. Я отвез ее домой. На этом все.

– Друг, я в таком перед тобой долгу, – говорит Дрю, все еще морщась от обсуждения рвоты.

– Ты даже себе не представляешь.

Настя

В понедельник, перед началом урока труда, я обнаруживаю синюю тарелку Марго на рабочем столе у дальней стены класса, где обычно сижу. Должно быть, ее оставил Джош, которого нет на своем месте. Его я замечаю в другом конце мастерской, у станков. Чтобы долго не смотреть на него, пытаясь выяснить, чем он занимается, я прячу тарелку в рюкзак, пока Джош не вернулся. Звенит звонок. Парень, даже не взглянув в мою сторону, садится за свою парту, и все опять становится нормальным. Но эта «нормальность» длится недолго, что меня не должно удивлять. Мне кажется, все, что касается Джоша, не может быть нормальным. Хотя не мне его судить, учитывая то, что сама я прячусь в укрытии своего хрупкого стеклянного домика.

– Эй, Беннетт! А это правда, что ты получил освобождение от опеки?

Освобождение от опеки? Я ищу глазами, кто к нему обратился. Какой-то придурковатый скейтбордист, которого вроде зовут Кевин, но точно не скажу – не слишком им интересовалась. Заметила только, что волосы у него спереди длинные, а штаны все время мешковатые. Мнит себя неотразимым. На самом деле меня не волнует, кто задал вопрос, а вот услышать на него ответ очень хочется.

Джош кивает, но ничего не говорит. Продолжает работать над чертежом, который нам задали нарисовать еще в пятницу. Он не поднимает головы и вообще не обращает внимания на Кевина и остальных в классе, хотя все ученики сейчас смотрят на него.

– Значит, теперь ты можешь делать все, что хочешь?

– Видимо, да. – Джош поворачивает линейку и проводит линию карандашом. – Разумеется, никого убить я не могу, так что тут есть определенные ограничения, – сухо добавляет он, по-прежнему не поднимая головы. Я едва сдерживаю улыбку, особенно когда Кевин, не уловив намека, продолжает к нему приставать.

– Блин, вот это круто! Я бы каждый вечер устраивал вечеринки. – Кевин все никак не возьмет в толк, что Джошу больше нечего ему сказать, и поэтому не стремится прекращать свои расспросы. Мне даже хочется, чтобы Джош врезал ему – уж больно он нарывается, – но так скорее могу повести себя я, а не Джош Беннетт.

Я уже слышу, как кто-то приглушенным голосом просит Кевина заткнуться. Все по-разному реагируют на устроенный им допрос: одни с любопытством, другие с неловкостью, третьи с откровенным изумлением. Сама я отношусь к числу любопытствующих, но стараюсь этого не показывать. Мистер Тернер, похоже, тоже заинтересовался, потому что то и дело посматривает в сторону парней. Вмешиваться он не намерен, но явно не хочет пропустить ни единого слова. Его лицо выражает недовольство. Я знаю, что важная часть этой истории мне неизвестна, а спросить не у кого. Почему его освободили от опеки? Его родители проявляли жестокость? Мертвы? Сидят в тюрьме? Или находятся в другой стране? Может, тут вообще замешана секретная шпионская миссия.

Пока идет разговор, я продолжаю гадать. Пытаюсь разобраться, почему Джош лишился опеки и как это связано с тем, что все ученики стараются держаться от него подальше. Мы и минуты не провели в классе, а уже такое ощущение, будто атмосфера заметно накалилась.

Джош

Я вижу выражения их лиц, даже не глядя на них. Обычно все стараются меня избегать, но хуже, когда этого не происходит. Вот как сейчас. В этом случае ты либо сталкиваешься с недалекими высказываниями таких болванов, как Кевин Леонард, либо с сочувствующими взглядами всех остальных. Особенно девчонок. От них – хуже всего. Дрю говорит, я должен использовать эту ситуацию в своих интересах: раз уж мне попались дерьмовые карты, надо разыграть их с пользой

и извлечь хоть какую-то выгоду из своего положения трагической личности. Но меня не устраивает перспектива вызывать жалость у людей. Кому нужна девушка, если она смотрит на тебя как на потерявшегося щенка, которого хочется забрать домой и накормить, или как на расстроенного ребенка, которого хочется посадить к себе на колени и приласкать. Нет ничего привлекательного в том, что девушка тебя жалеет. Мне такая понравится, только если я совсем буду в отчаянии, да и то вряд ли.

С взрослыми дела обстоят куда хуже. Они просто обожают отпускать тупые комментарии по поводу того, какой я молодец, каким уравновешенным стал, как хорошо со всем справляюсь. А сами и понятия не имеют. Единственное, что я научился делать хорошо, так это избегать чужого внимания, но остальным легче верить, что у меня все в порядке. Тогда они могут спокойно уползти обратно в свою безопасную раковину, где жили до того. Туда, где смерть, как они полагают, их не найдет.

То же самое с учителями. Я могу отделаться от какого угодно задания, если разыграю карту смерти. В этом случае всем вдруг становится неловко, они готовы сделать для тебя все, что захочешь, лишь бы ты им не мешал и они могли делать вид, что ничего не случилось. Они убеждают себя, будто проявляют сочувствие и таким образом делают доброе дело. Если мне везет, они просто игнорируют меня, потому что так проще всем. Проще, чем признавать существование смерти.

Одной карты смерти может быть более чем достаточно, чтобы избавиться от задания или захомутать какую-то девчонку, но на сегодняшний день у меня набралась их уже целая колода, так что мне почти все сходит с рук. Люди уже давно стали закрывать глаза на мое поведение. Может быть, я тоже.

Когда мне было восемь лет, я отправился с отцом на одну из весенних предсезонных игр по бейсболу. Раз в месяц мои родители разделялись: один брал мою сестру Аманду, а другой – меня – и проводили с нами целый день. В один месяц я ездил куда-нибудь с папой, а Аманда – с мамой. В следующем мы менялись. Был март, и в этот день я должен был проводить время с мамой, но из-за игры уговорил ее поменяться местами с отцом. Пообещал, что в апреле и мае буду только с ней. Ведь я такой чертовски незаменимый. Мама сказала, что это отличная идея, и согласилась.

Домой мы с папой вернулись в шесть. На обратном пути я задремал в машине. Припарковавшись, он разбудил меня, но в итоге понес в дом на руках, потому что у меня не было сил выбраться из машины. В тот день мы наелись, насмеялись и накричались. У меня болел живот. Лицо обгорело. Я сорвал голос и никак не мог разлепить глаза. Это был последний счастливый день в моей жизни.

Когда я проснулся, у меня больше не было ни мамы, ни сестры, но со временем все должно было по идее наладиться, потому что теперь мы получили уйму денег – больше, чем нужно. По словам адвокатов из компании грузовых перевозок, это щедрая выплата. По словам адвокатов моего отца, сумма справедливая. Справедливая компенсация за жизнь моей матери. Справедливая компенсация за гибель сестры. Только они не учли того, что в тот день я потерял и отца. В нем что-то надломилось, разбилось, расплавилось, сгорело и рассыпалось, как та машина, за рулем которой сидела мама, когда в нее врезалась фура, перевозившая газировку. Но даже если бы они это учли, то все равно, я уверен, назвали бы компенсацию более чем справедливой. Даже щедрой. У меня нет сестры, с кем можно пререкаться, нет матери, с кем можно поговорить по душам, нет отца, с кем можно вместе мастерить. Зато у меня есть миллионы долларов, практически нетронутых, на банковских и брокерских счетах. Да, жизнь невероятно справедлива.

– Ага, чертовски круто, – отвечаю я в надежде, что теперь Кевин переключится с меня на кого-нибудь другого, кого можно будет поражать своей глупой болтовней и разговорами про классные вечеринки. – Никого не волнует, чем я занимаюсь. – И это абсолютная правда. Я поднимаю голову и пристально смотрю на него, надеясь, что намек ему ясен.

Затем возвращаюсь к работе над чертежом, когда все остальные ученики, к счастью, принимаются обсуждать более насущные темы вроде контрольных по математике и привлекательных девчонок. Мистер Тернер ходит по классу и заглядывает каждому через плечо, проверяя, как продвигается работа. Проходя мимо моего стола, он оглядывается.

– Настя, вам там неудобно чертить. Почему бы вам не пересесть на свободное место рядом с Кевином? – Он практически извиняется за то, что просит ее пересесть. Странно, что мистер Тернер вообще ждет, будто она станет выполнять задание. До сих пор он даже не замечал ее присутствия в классе, хотя мы оба знаем, что ее здесь быть не должно. Но ему, видимо, навязали

девчонку, раз она все еще тут. Мне кажется, в присутствии Насти – как, впрочем, и в моем – людям становится неуютно. Мистер Тернер никогда не испытывал неловкости рядом со мной, чего не скажешь о ней. Возможно, все дело в одежде или ее отсутствии, потому что он словно боится смотреть на нее. Я забыл, что все это время Настя сидела у меня за спиной и, должно быть, слышала весь разговор. Она принимается собирать свои вещи, и мистер Тернер поворачивается ко мне.

– Выглядит неплохо, – говорит он, рассматривая лежащий передо мной чертеж. – Что собираешься использовать?

– Скорее всего, ясень. И прозрачную отделку, – отвечаю я.

Мистер Тернер кивает, но от меня не отходит.

– Все в порядке? – интересуется он, очевидно, имея в виду ситуацию с Кевином. Это довольно глупо, потому что на такую ерунду я больше не реагирую.

– Все хорошо, – заверяю я его, поворачивая линейку на листе бумаги. Тогда учитель возвращается на свое место. Я слышу позади себя стук каблуков: Настя спрыгивает со столешницы. Она проходит у меня за спиной, огибает мой стол и направляется к парте, где самодовольно сыплет шутками Кевин Леонард. Теперь каждый работает над своим заданием, и шум заметно усиливается. Я уже думаю, что мне это кажется или просто схожу с ума, когда слышу…

Ты врешь. Это даже не шепот. Слова мягко вплывают в мое сознание, словно они бесплотные, сотканы из воздуха и тоски, но я все равно их слышу, клянусь. Когда я поднимаю голову, то вижу, что единственный человек, который мог их сказать, усаживается на стул рядом с Кевином Леонардом. Я одергиваю себя за такую глупость, потому что эти слова никак не могут быть настоящими, а тоска, из которой они родились, принадлежит мне.

* * *

В кабинет рисования я вбегаю в самую последнюю минуту и занимаю свободную парту в самом конце, позади Клэя Уитакера. Я не большой любитель рисования, но дополнительных факультативов по труду, куда еще можно записаться, не

осталось. Я уже везде побывал, и теперь мне приходится заполнять расписание другими предметами. Желательно теми, где не задают на дом или не требуется много думать. Я прокладываю себе путь наименьшего сопротивления. Миссис Карсон позволяет мне сдавать ей наброски понравившейся мебели или тех предметов, которые я проектирую и в свое время планирую собрать. Иногда я рисую вещи, увиденные в антикварных магазинах. Те вещи, что мне хотелось бы однажды изготовить, будь у меня больше таланта. Что касается способностей к рисованию, то художник из меня довольно посредственный. Я бы сказал, нормальный: не ужасный, но и не великолепный. Я бросаю взгляд на впереди стоящий стол. А вот Клэй Уитакер рисует потрясающе. В своем альбоме он работает углем так, как мне хотелось бы с помощью инструментов работать с древесиной. Я открываю рюкзак и пытаюсь найти фотографию, распечатанную вчера вечером. Едва приступаю к рисунку, как Клэй поворачивается ко мне.

– Что рисуешь? – Он выгибает шею, чтобы лучше рассмотреть лежащую передо мной фотографию.

На ней запечатлен пристенный столик с мраморной столешницей середины восемнадцатого века, в стиле эпохи Георга II. По заданию мы должны были принести на урок фотографию и воссоздать ее изображение на бумаге. Я выбрал эту.

– Стол, – отвечаю я.

– Попробуй хотя бы раз нарисовать что-нибудь на двух ногах, а не на четырех.

Мне неинтересно рисовать людей, к тому же у меня это плохо получается.

– А ты что рисуешь? – спрашиваю я.

– Не что, а кого, – поправляет Клэй. Он редко рисует что-то иное, кроме людей. Парень буквально одержим человеческими лицами. Если я вечно рисую мебель, то он – людей. И делает это великолепно. Его рисунки кажутся пугающе живыми. Они обладают одним загадочным свойством: заставляют тебя смотреть глубже, видеть то, что скрывается за чертами лица. Я сам видел, как ничем не примечательные, самые обыденные лица он делал настолько привлекательными, что не описать словами. Я завидую его таланту. И не будь у меня своего столь же любимого дела, завидовал бы еще больше, до безумия. А

так я отдаю должное его способностям, не испытывая к нему ненависти, в отличие от нескольких человек в нашем классе. Порой мне даже кажется, что миссис Карсон сама из их числа. Наверное, неприятно обучать того, кто превосходит тебя в умениях по всем фронтам.

Мое внимание переключается на Клэя, когда тот берет со стола фотографию и передает мне с гаденькой улыбочкой на лице, как будто ему известно то, чего не знаю я. Забираю у него снимок и гляжу на него. Не знаю, кого я ожидал на нем увидеть, но точно не ту девушку, на чье лицо смотрю сейчас. Хотя нельзя сказать, что я сильно удивлен. Если в нашей школе и есть интересные лица, то одно из них принадлежит Насте Кашниковой. Возможно, потому, что она никогда не открывает рот, чем создает вокруг себя ореол загадочности. Я смотрю на фотографию немного дольше, чем следует. Взгляд Насти устремлен в сторону камеры, но не в сам объектив. Должно быть, ее снимали крупным планом, потому что изображение вышло нечетким. И она явно не знала, что ее фотографируют.

– Почему ее? – спрашиваю я, с неохотой возвращая ему снимок.

– У нее нереальное лицо, даже несмотря на всю ту дрянь, которой оно измазано. Если у меня получится его изобразить, остальных девчонок можно будет больше не рисовать. – Клэй смотрит на фотографию так, словно представляет себе, как она выглядит без макияжа. Мне хочется сказать ему, что он прав. То, какой она кажется на этой фотографии, не идет ни в какое сравнение с тем, как она выглядит без косметики, с убранными назад волосами. Я бы сам предпочел иметь фото, а не полагаться на воспоминания того, какой увидел ее в час ночи в своем гараже – растерянной и обливающейся потом.

– Не думал, что она в твоем вкусе. – Я прогоняю из головы неуместные мысли и пытаюсь сосредоточиться на Клэе, чтобы он ничего не заметил, но парень всегда все замечает. Он такой же здесь изгой, как и многие, а потому очень наблюдателен. Я видел его рисунки, многие изображенные на них люди даже не подозревали, что за ними следят. Но больше всего приводит в замешательство то, что если уж Клэй наблюдает, то точно видит.

– Моему члену необязательно ее хотеть. Достаточно карандаша. – Он снова улыбается мне, как если был бы в курсе одного из моих секретов. Возможно, так оно и есть. Парень всегда смотрит на меня так, будто не догоняет, что меня следует оставить в покое. Но отчего-то я не против. Границы он не переходит и,

за исключением тех случаев, когда может иногда сморозить какую-то чушь, старается не путаться под ногами. Я уже возвращаюсь к своему паршивому рисунку, когда с моих губ невольно срывается:

– А как ты сделал снимок?

– Это все Мишель. – Имя этой девчонки говорит само за себя. Мишель – Ходячий Фотоальбом. Клэй единственный, кто употребляет ее имя без прозвища. Каждый день во время обеденного перерыва она сидит рядом с ним, фотоаппарат только что не хирургически пришит к ее рукам. – Я попросил ее сфотографировать Настю на школьном дворе, пока та не видит. – Клэй чуть виновато, но без тени сожаления пожимает плечами. Называет ее по имени, как будто они знакомы – интересно, насколько хорошо?

– Она тебе зад надерет, если узнает. – Как-то тупо такое говорить. Я знаю ее не настолько хорошо, чтобы делать вывод о том, как бы она поступила, а говорю так, будто знаю. Да, силы у нее хватит надрать зад и ему, и мне заодно. Она ведь действительно могла это сделать, когда во время похмелья я подсунул ей стопку водки, но вместо этого рассмеялась мне в лицо. Так что ни черта я не знаю.

– Слишком многие желают надрать мне зад, – небрежно бросает Клэй, как будто такова правда жизни. Верно, в этой школе полно кретинов, мечтающих накостылять ему, но хотеть и делать – две разные вещи. О нем по-прежнему говорят гадости, однако никто с восьмого класса его и пальцем не тронул, и мы оба знаем почему.

После гибели мамы я озлобился. В этом нет ничего необычного, потому что для человека, испытавшего горе, злость – вполне приемлемое чувство, особенно когда это восьмилетний мальчик. Окружающие находят тебе сотни оправданий. И я, пытаясь справиться со своей приемлемой злостью, совершал множество недопустимых поступков – избивал других детей, которые меня раздражали. А вызвать у меня раздражение не составляло особого труда. В то время очень многое могло вывести меня из себя. После выяснилось, что даже те недопустимые вещи, которые я вытворял, размахивая кулаками, считались приемлемыми и на них закрывались глаза.

Майк Скэнлон дважды получил от меня по лицу за свои слова о том, что мою маму в земле пожирают черви. Вряд ли этим червям было что поесть, потому что после аварии от ее тела почти ничего не осталось, но спорить с ним я не стал. Просто врезал ему: поставил синяк под глазом и рассек губу. Он, конечно же, пожаловался своему отцу. Когда тот пришел к нам домой, я, спрятавшись за угол, стал подслушивать и думать о том, какое наказание теперь меня ждет. Но отец Майка даже не рассердился. Сказал моему папе, что все в порядке, он все понимает. Хотя он ни черта не понимал, однако неприятностей я все же избежал. И так происходило всегда.

Единственный раз, когда мне действительно пришлось отвечать за свое поведение, случился в школе. Тогда во время физкультуры я побил Джейка Келлера на футбольном поле и уже думал, что мне за это достанется. Директор вызвал меня к себе в кабинет, чего со мной никогда не бывало. Но, к моему счастью, он тоже вошел в мое положение, и я отделался лишь предупреждением и несколькими походами к школьному психологу. Все, кого я избивал, уяснили: что бы я ни сделал, мне все сойдет с рук. Я мог бы отметелить любого средь бела дня на глазах у десятка человек, и все равно их собственные отцы скажут им оставить меня в покое.

Мой период озлобленности закончился, когда я перешел в восьмой класс, именно тогда у моего отца случился сердечный приступ. К тому времени ко мне почти никто в школе не приставал. Никто не давал повода для злости. Однажды я возвращался из школы домой и наткнулся на трех отморозков, избивающих Клэя Уитакера. Мы не были с ним знакомы, но его пинали, а у меня как раз чесались кулаки. Во мне изрядно накопилось той самой здоровой, приемлемой злости, и они казались хорошим средством избавиться от нее. Драчунов было трое, а я среди сверстников считался не самым рослым ребенком. Они могли бы без всяких усилий размазать меня по асфальту. Но ими управляла лишь банальная жестокость. Во мне же кипела чистейшая ярость.

Клэй сидел на земле, когда его обидчики наконец сбежали. Мне самому немало от них досталось, я запыхался и поэтому тоже устроился рядом – не знал, куда пойти, да к тому же меня мало волновало, придет ли кто-нибудь мне мстить. Никто не пришел. Хотя я был готов надавать и им. Клэй не стал меня благодарить и вообще ничего не сказал. Оно и правильно, потому что я не заслуживал благодарности. Я сделал это не ради него. Не из благородных побуждений.

Мне было все равно, будут ли у меня неприятности. Было плевать на Клэя Уитакера, сидящего в слезах и крови в паре метров от меня. Плевать на все. Это была моя последняя драка. После того случая я решил, что без веской причины больше не стану никого бить. Вот только это уже не имело значения: всем давно было известно, что любой мой проступок сойдет мне с рук. Я не знал, какой должна быть эта веская причина, но пришел к выводу, что сам это пойму, когда время придет. А может, оно никогда не настанет.

Не сказав Клэю ни слова, я встал и отправился домой. Мы с ним никогда не обсуждали случившееся. Сам я уже привык, что меня не достают, но после того раза Клэя Уитакера тоже никто не трогает.

– Я уже начинаю их понимать, – ворчу я. Клэй прекрасно знает, что я говорю не всерьез, но вскидывает руки – намек понят.

– Ладно. Занимайся своим неотразимым столом. А я буду рисовать девушку, – с самодовольной улыбкой говорит он, затем отворачивается и открывает альбом.

Глава 12

Настя

Раньше я много времени думала о том, чем буду заниматься следующие двадцать лет. Мои мечты часто были связаны с игрой на фортепиано и выступлениями в концертных залах всего света. А это означало множество поездок по миру, остановки в невероятно роскошных гостиницах с такими же невероятно пушистыми полотенцами и еще более пушистыми банными халатами. Со мной непременно будут гастролировать безумно привлекательные, музыкально одаренные, головокружительной красоты принцы, которые неизбежно влюбятся в меня. Ведь это возможно. Передо мной будут преклоняться за талант, унаследованный от отца, и за красоту, доставшуюся мне от матери. Я стану носить элегантные платья непостижимых расцветок, и мое имя будет звучать у всех на устах.

Теперь же я думаю только о том, что буду делать ближайшие двадцать часов. Надеюсь, все это время я буду спать.

* * *

Вот уже неделю как мне удается бегать каждый вечер. Погода этому способствует. Да и ноги становятся крепче. Я выматываю себя больше, чем должна, зато с той первой ночи меня больше не тошнит. Тело начинает привыкать к нагрузке. А самое приятное в этом то, что, выжимая себя без остатка, вытаскивая наружу все произошедшее за день, я могу наконец спать. Конечно, без записей в тетради мне по-прежнему не обойтись, но бег помогает. Он дарит мне силы или, точнее будет сказать, забирает их. Хотя это не важно. Я знаю, что слишком полагаюсь на него, но сейчас это единственное, на что можно полагаться.

Физическая нагрузка, записи, ненависть. Три вещи, которые не дают мне упасть на дно.

Теперь я лучше ориентируюсь в городе. Обращаю на все внимание, не стремясь делать этого специально. Запоминаю окружающие звуки, характерные для тех или иных мест, и могу определить, если что-то не так. Знаю, где тротуары неровные, а где корни недовольного дерева подняли асфальт. Разум научился понимать, чего стоит ожидать во время пробежек в темноте. Каждый вечер я ухожу в одно и то же время, но никогда не бегаю по одному и тому же маршруту дважды. Если нужно, могу вернуться домой десятками разных путей из любой точки города. Нет, я не чувствую спокойствия. Мне больше не бывает спокойно за пределами дома, но во всяком случае я готова. Гораздо лучше, чем была в прошлый раз – большего не стоит ожидать.

Последние шесть вечеров я умышленно обходила стороной бледно-желтый домик в Коринфском проезде. Тот, где постоянно открыт гараж. Я пробегаю мимо этой улицы каждый вечер и с трудом могу удержаться, чтобы на повороте не глянуть на него мельком. По тому, как падает свет, определяю, открыта ли дверь гаража, и он еще ни разу меня не подводил. Гараж открыт всегда, в любое время. Я часто размышляю, что Джош может сказать, если заявиться к нему снова. Скорее всего, особо красноречив он не будет, но мне все равно любопытно. Скажет ли он вообще что-нибудь? Или, проигнорировав, продолжит работать, словно меня там нет? Попросит уйти? Или предложит остаться? Нет,

этого он точно не будет делать. Джош Беннетт никому не предлагает остаться. Я могла бы придумать еще сотни вариантов событий, но какой из них наиболее вероятен, неизвестно. И тут я на миг отвлекаюсь. Больше не думаю о том, что он мог бы мне сказать, а гадаю, что сама сказала бы ему. Тогда я ускоряюсь и бегу в противоположном направлении, подальше от Коринфского проезда и своих нелепых губительных мыслей.

В дом Марго я возвращаюсь в 21.25 и иду прямиком в душ. Там я много – больше, чем за все предыдущие месяцы – говорю сама с собой. В безопасности пустого дома, под заглушающий звук льющейся воды напоминаю себе о том, какие сложности меня ждут, если я открою рот. Пытаюсь вытащить из себя все слова. Вот я называю Итана Холла кретином и мысленно представляю, как смачно залепляю ему пощечину. Или втыкаю вилку ему в глаз – картина не менее заманчивая. Рассказываю мисс Дженнингс, что вопреки всеобщему мнению Бах был не более плодовит, чем Телеман; просто о нем больше помнят. Говорю Дрю, какие его фразочки для знакомства действуют лучше всего и к кому, по моему мнению, их следует применять, вместо того чтобы тратить время со мной. Убеждаю папу, что он по-прежнему может звать меня Милли – пусть это прозвище мне и не нравится, но оно приносит ему радость, а значит, я тоже счастлива так, как не была уже давно. Благодарю своих психотерапевтов, но добавляю, что никакие их попытки или слова не заставят меня заговорить. Я говорю, пока вода не остывает, а мой голос от перенапряжения не начинает хрипеть. Надеюсь, этого достаточно, чтобы и дальше держать рот на замке. За 452 дня я ни слова не промолвила ни одной живой душе. Я заполняю свои три с половиной страницы, убираю тетрадь под матрас и забираюсь в кровать с мыслями о том, что едва не нарушила молчание на 453-й день.

* * *

В школе мне неплохо удается избегать Джоша. За исключением пятого урока, урока труда, где встреча с ним неизбежна. В мастерской я всегда испытываю исключительно унижение, поскольку все ученики в классе, в отличие от меня, умеют обращаться с древесиной и инструментами. Хорошо еще, что я могу отличить молоток, да и то не факт. На днях один парень по имени Эррол попросил меня подать ему молоток, а когда я это сделала, посмотрел на меня как на идиотку. По-видимому, существует около четырехсот видов молотков, и я принесла ему не тот, что был нужен. После этого за помощью ко мне больше не обращаются.

Можно было бы отказаться от труда, но я решила лишний раз не портить отношения с методическим отделом. Тем более факультатив по труду – меньшее из зол по сравнению с ораторским искусством и музыкой. Хотя с первым еще можно как-то справиться: мистер Трент сказал мне, что я могу заработать оценку, занимаясь поиском и подготовкой справочно-информационного материала. К тому же на занятиях меня веселит умопомрачительно-сексуальный Дрю, а веселье никогда не помешает. И если уж быть до конца откровенной с собой – чего обычно я стараюсь не делать, – я с самого первого дня в школе знала, что мне необходимо всеми силами избавиться от класса музыки. Этот класс словно трещина, проходящая прямо под поверхностью моей неустойчивой психики. И мне лучше его избегать. У меня это хорошо получается.

Притом быть помощницей мисс Макаллистер на пятом уроке оказалось куда интереснее, чем я поначалу себе представляла. Это как смотреть школьную версию реалити-шоу «Большой брат»: я подслушиваю чужие разговоры, наблюдаю со стороны за разворачивающимися событиями и при этом не прикладываю особых усилий. Среди главных участников Дрю и Джош, а еще мерзавец Итан, болван Кевин Леонард и задиристая девчонка по имени Тирни Лоуэлл, с которой Дрю постоянно цапается. Меня она, скорее всего, тоже недолюбливает. Хотя в лицо мне этого не говорит, но смотрит в мою сторону с такой злобой, будто я все свободное время убиваю щенков, так что это лишь предположение.

Урок труда в принципе тоже неплох, даже если большую часть времени я чувствую себя бесполезной и ни на что не годной. Никто меня не трогает, да и мистер Тернер многого не ждет. Джош здесь вообще сродни богу. Расхаживает по мастерской так, словно это он ее построил. Ему уже пора завести отдельную телефонную линию, потому что всякий раз, как раздается звонок, происходит одно и то же: Тернер поднимает трубку, Тернер подзывает Джоша, Джош уходит. Его часто посылают по разным делам. Нужно починить полки? Зовите Джоша Беннетта. Плохо открываются ящики? Вам нужен Джош. Хотите изысканный гарнитур для столовой, выполненный по специальному заказу? Джош Беннетт к вашим услугам.

Только не заставляйте его говорить. Он и мне в школе слова не сказал с того дня, как заявил, что не собирался прогонять меня из-за своей парты. Как это великодушно с его стороны. Я, естественно, тоже ничего ему не говорю.

Глава 13

Джош

В воскресенье утром, в десять минут двенадцатого, ко мне заявляется Дрю. Я забыл запереть дверь, когда забирал с улицы газету, поэтому он без стука входит прямо в дом. Надо бы отказаться от рассылки этой дурацкой газеты, все равно я ее не читаю. Еще одно напоминание о дедушкиной жизни здесь. Сколько бы я ни пытался убедить его читать новости в интернете, он не соглашался. Говорил, ему нравится держать газету в руках, вдыхать запах бумаги. А я ненавижу брать газету в руки и тем более не могу терпеть ее запах. Делаю себе мысленную пометку сегодня же позвонить на почту и отменить рассылку. Больше не хочу видеть эту газету у себя перед домом.

– Что случилось? – спрашиваю я у Дрю, пока тот располагается у меня дома.

– Сара. Дом. Девчонки. Слишком много. – Он со вздохом плюхается на диван и устремляет взгляд в потолок.

– Не думал, что для тебя бывает «слишком много девчонок».

– Когда дело касается подружек Сары, я делаю исключение.

– Ты никогда не делаешь исключений.

– Ты прав, но тут я вынужден.

И я могу его понять. Подруги Сары невыносимы. Да, на них приятно смотреть, но им это известно, что автоматически лишает их привлекательности. В них собрано все ненавистное мной в девчонках, и Сара становится такой же, как они. Хорошо, что я вызываю у них страх. После неудачных попыток заигрывать со мной они быстро понимают, что ответа от меня не дождутся, и больше не пристают.

– Ты охмурил уже трех из них. Неужели наконец усвоил урок?

– Это они усвоили урок. Вдобавок Сара уперлась рогом, сказала, больше никаких шашней с ее подругами. Под запретом.

– Она и правда думает, тебя это остановит?

– Это к ним относилось. Я для них под запретом.

– Как многого они лишились.

– Хватит издеваться. Я серьезно. Я для них что-то вроде испытания.

– А здесь ты почему? – спрашиваю я.

– Сказал же тебе. Не могу дома находиться. Мне кажется, что с каждой секундой мой уровень тестостерона падает.

– Это понятно, но зачем ты пришел сюда? – Обычно Дрю не бежит в первую очередь ко мне, если ему хочется убраться из дома. Так было несколько лет назад, но сейчас все по-другому. Наверное, это как-то связано с наличием у меня Y-хромосомы.

– Мне больше некуда пойти.

– Взял бы бутылку. И пошел мириться.

– Один я туда не пойду. А то потом и моего трупа не найдут.

– Так быстро сдаешься? – Он мог бы приударить за любой другой девицей, но выбрал почему-то эту.

– Нет. Просто нужно сменить тактику. Есть идеи?

Идей у меня нет, а даже если б и были, я все равно не стал бы ему помогать. Зато есть вопросы, и их с каждым днем становится все больше.

– Как думаешь, почему она не говорит?

– Да никто не знает. Я даже опробовал на ней свои излюбленные приемчики, и судя по ее реакции, проблем с пониманием английского у нее нет. Думаю, дело тут в отсутствии голосовых связок.

Я точно знаю, что это не так. В прошлый раз, находясь здесь, она смеялась – во весь голос. Я даже проверил. Чтобы издавать такие звуки, голосовые связки обязательно нужны, так что дело не в них. Возможно, тут какое-то физическое отклонение. Я, конечно, ни черта в этом не смыслю, но что-то мне подсказывает, физические особенности тут ни при чем, отчего мне становится еще любопытнее. По какой причине человек может не разговаривать? Она вообще когда-нибудь говорила? Может, она за всю жизнь слова не произнесла. Не знаю. Но Настя точно обращает внимание на все, постоянно следит, даже когда не смотрит. Ничто не способно ускользнуть от нее. Меня бы такое поведение напугало, если бы я сам не был таким. Интересно, замечает ли она что-то, чего не вижу я? Хотя она мне все равно не скажет, а я никогда у нее не спрошу.

– Она вроде бы не в твоем вкусе, – говорю я. Дрю обычно, за редким исключением, падок на симпатичных, пользующихся популярностью пустышек. В вопросах девушек он всегда идет по пути наименьшего сопротивления, и этот путь, к счастью для него, ведет почти к каждой девчонке в школе. Сомневаюсь, что одна из них хотя бы раз его отвергла, и это несмотря на его репутацию, которую он не стремится спасти. Дрю никогда не изображает любовь, не притворяется, будто питает к девушке какие-то чувства, чтобы затащить ее в постель. Ему не нужно этого делать. Они и без всяких уговоров вешаются на него. Достаточно чувств с их стороны.

Почти каждая девушка надеется, что именно с ней Дрю останется навсегда, но этого не происходит. Казалось бы, хоть одна из них должна публично призвать его к ответу. Заставить его взять на себя ответственность и признаться уже, но никто этого не делает, потому что все знают: в конечном итоге Дрю поступает ровно так, как и всегда. К тому же многие из них понимают: не стоит питать иллюзий, что этот козел когда-нибудь исправится.

Я хотел бы его осуждать, но это невозможно, потому что Дрю не отрицает, не оправдывается, не извиняется. Он такой, какой есть. Другого не дано. Сам я не смог бы поступать так, как он, и не потому, что меня это не привлекает. Я совру, если скажу, что никогда не думал о подобном, но для меня это слишком большая ответственность. Эти девчонки выражают слишком много эмоций, а я не умею

уклоняться от них. От Дрю они буквально отлетают. Его ничто не берет: ни слезы, ни мольбы, ни обиды. А мне своих проблем хватает, чтобы переживать еще и за чужие чувства. Свои я давно похоронил, и будь я проклят, если свяжусь с чьими-то еще.

– Она – девчонка. Красивая. Что еще нужно? – прямо выдает Дрю.

– И, похоже, ненавидит тебя. – Похоже, она ненавидит всех, но я ему этого не говорю. Я всерьез хочу понять, почему он тратит свое время на эту девицу. На него это совсем непохоже. Он должен был давно забить на нее.

– Будем считать это испытанием.

– Вот именно. Только прикладывание усилий не входит в твою жизненную философию.

– Не входит. Но, может быть, я взрослею и выхожу на новый уровень. Пытаюсь стать лучше.

Я проглатываю смешок или рвотный позыв – не могу сказать точно.

– Твое недоверие меня обижает. Тем более не у каждого из нас имеются беспроигрышные отношения без каких-либо обязательств и усилий. – Он многозначительно смотрит на меня. Тут не поспоришь. Нет смысла строить из себя святого, когда мне и правда не нужно беспокоиться о том, как бы заманить девчонку в постель.

Ведь у меня есть Ли. Сейчас из-за учебы в колледже она бывает здесь реже, чем раньше, но так даже проще. Она живет в паре часов езды отсюда и всегда навещает меня, когда приезжает домой на выходные и каникулы. А потом снова уезжает. Она не говорит, что любит меня. Не спрашивает, люблю ли я ее. Хотя я не люблю и никогда не смогу полюбить. У нас с ней определенная договоренность по поводу легких, ни к чему не обязывающих отношений, без каких-либо чувств: попользовались друг другом и разошлись. Почти идеальный расклад. Но даже не будь у меня Ли, я бы все равно не опустился от отчаяния до уровня Дрю. Я, конечно, люблю секс, но по складу своего характера чувствовал бы себя козлом, переспав с девчонкой, и потом еще несколько месяцев встречался бы с ней из чувства вины.

– Не тебе меня судить. И вообще, раз уж у меня появилась новая цель по самосовершенствованию, я намерен перебороть свой страх быть съеденным заживо и прямо сейчас отправлюсь к ней. – Дрю вскакивает с дивана и шагает к двери.

– Желаю удачи, – ехидно бросаю я ему вслед.

* * *

Остаток дня я занимаюсь тем, что откладываю выполнение необходимых дел. Наконец добрался до телефона, позвонил на почту и отменил доставку газеты, хотя до последнего был уверен, что не сделаю этого. А после заодно позвонил и в хоспис: попросил их забрать больничную койку, которую они привезли моему деду два месяца назад. Его нет всего две недели, а кажется, будто целую вечность. Если б не нужно было делать столько телефонных звонков, я бы вообще усомнился, а жил ли он здесь.

Повесив трубку после разговора с хосписом, я смотрю на телефон у себя в руке и думаю позвонить дедушке. Собирался звонить ему вчера, позавчера и днем раньше. Но так и не позвонил. Мы с ним говорили на прошлой неделе – это было ужасно. Его состояние ухудшилось в сотни раз, с тех пор как его отсюда увезли. Совсем не соображает. Его разум затуманен всевозможными обезболивающими, которыми его накачивают для облегчения состояния. Во время беседы ты будто говоришь не с ним. На другом конце провода – только тело, сознания больше нет. Я практически слышу, как его мозг пытается осмыслить мои слова, но ничего не выходит. Дедушка расстраивается, и его растерянность разрывает мне сердце, словно оно уже не разбито вдребезги. Но порой, поддавшись эгоизму, я все-таки ему звоню. Ради самого себя. И говорю с ним. Рассказываю то, чего не поведал бы ни одной живой душе, потому что знаю: по окончании разговора он все забудет, будто этого разговора никогда не было.

Даже наша последняя нормальная беседа, состоявшаяся в субботу вечером, прежде чем его забрал мой двоюродный дедушка со своей женой, была одурманена сильнодействующими препаратами. Он позвал меня с намерением дать совет, в котором я, по его мнению, нуждался. Усадил меня на диван, а сам устроился в мягком кресле напротив, как это бывало на протяжении многих лет, когда он делился со мной своей мудростью, столь необходимой мне на том или

ином жизненном этапе. На самом деле я никогда его не слушал, поскольку считал, что не нуждаюсь в ней. Но в тот вечер сидел и слушал. Ловил каждое сказанное им слово. С жадностью впитывал все, что он хотел мне сказать, даже если слова исходили из затуманенного препаратами сознания.

Тогда он рассказал мне многое, и я помню все. Он говорил о женщинах и непростительных поступках, о садовых качелях и красных кирпичных домах, о воспоминаниях, которых еще нет.

* * *

В шесть часов я должен быть на ужине у Дрю, а значит, нужно принять душ и найти что-то приличное из вещей. Мама Дрю любит, когда к воскресному ужину все наряжаются. Разумеется, это не какой-то торжественный прием, но красивая одежда, по словам миссис Лейтон, делает его особенным событием. Я пытался как-то откреститься от этого вечера, но она мне не позволила. И так уже три недели подряд не приходил к ним на воскресные ужины. Не то чтобы они мне не нравились. Чаще всего на них даже бывает весело. Можно поесть нормальной еды, так что мне не нужно готовить, да и Дрю в кругу семьи не ведет себя как болван. Но дело в том, что, приходя к ним, я чувствую себя как в одной из серий «Улицы Сезам»: торчу в верхнем углу экрана телевизора, пока все остальные внизу поют о том, что кто-то здесь лишний. Нормальная жизнь их семьи во всех подробностях напоминает мне о том, какой ненормальной является моя собственная жизнь. Я мог бы целый день простоять здесь, придумывая отговорки не идти, но знаю, что мне не отвертеться. Поэтому, смирившись, достаю из шкафа приличную одежду и отправляюсь в душ.

Глава 14

Настя

Кисть и запястье человека состоят из двадцати семи костей. У меня были сломаны двадцать две из них. Иными словами, моя рука – своего рода чудо. В ней полно пластин и шурупов, и даже после нескольких операций она по-

прежнему выглядит немного иначе. Зато функционирует лучше, чем предполагалось. Нельзя сказать, что ею невозможно ничего выполнить: просто она не способна на то единственное, что я хочу. На то, что сделало меня такой, какая я есть.

* * *

У меня никогда, даже в прошлом, не было нормальной личной жизни. Все свое время после школы я проводила либо в музыкальной лаборатории, либо на частных уроках музыки, а по субботам играла на фортепиано на свадьбах. Бывало, в разгар свадебного сезона я умудрялась посетить три свадьбы за день. Выбегала из одной церкви, запрыгивала в машину, где меня ждала мама, и мчалась на другую церемонию. Порой от такой занятости можно было сойти с ума, мне редко выпадали свободные выходные. Но при минимальных усилиях и затраченном времени я получала отличные деньги.

Обычно организаторы и невесты не отличались особой оригинальностью. Мне приходилось исполнять всего пять произведений, которые я чередовала между собой: те самые традиционные мелодии, что можно услышать на каждой свадьбе. Я считала само собой разумеющимся, что могла, не задумываясь, исполнить их наизусть. У меня было три платья, которые я меняла так же, как и эти произведения: все сплошь скромные, девчачьи, разного рода торжественности в зависимости от самой свадьбы. Даже интересно, что бы они сказали сейчас, явись я в одном из своих нынешних нарядов?

Если я не играла на свадьбах, то выступала в престижных торговых центрах и ресторанах. Поначалу считалась маленькой диковинкой. Всеобщей любимицей. Вряд ли меня вообще тогда знали по имени, в основном называли пианисткой из Брайтона, но я не обижалась: ведь я и была пианисткой. Со временем к моему появлению на различных мероприятиях уже все привыкли, однако в самом начале моей музыкальной карьеры, в возрасте восьми лет, на меня смотрели с удивлением. Я носила платьица с рюшами и оборками, мои волосы всегда были убраны назад и перевязаны лентой в тон платью. Я улыбалась и играла Баха, Моцарта или любое другое заезженное произведение, которое меня просили исполнить. Меня повсюду узнавали, по окончании выступления неизменно аплодировали, а при встрече здоровались. Я наслаждалась каждым мгновением своей славы.

К тому времени, когда я была вынуждена закончить свои выступления, у меня уже накопилась немалая сумма. Я откладывала деньги на летние курсы в музыкальной консерватории Нью-Йорка, куда ужасно хотела попасть последние три года. В пятнадцать лет меня наконец приняли. Родители сказали: если я хочу там учиться, то должна работать. Но это была шутка, потому что под работой подразумевалась игра на фортепиано, а игру на фортепиано никак нельзя считать работой. Все мои дни были насыщены школой, частными уроками и концертами, и времени на личную жизнь совсем не оставалось, но это была малая жертва. А если честно, вообще не жертва. На вечеринки я не ходила, да и за руль садиться мне было рано. Из мальчиков мне нравился только Ник Керриган, но в основном мы просто смотрели друг на друга, а чаще всего отводили глаза.

У меня не было подруг для походов по магазинам, большинство вещей покупала мне мама. Даже в свои пятнадцать я выглядела гораздо младше. Мой облик составлял элегантный стиль ученицы воскресной школы. Те несколько подруг, с кем я общалась, были такими же, как я. Все свободное время мы репетировали, потому что каждая из нас была связана с музыкой. Пианистки. Скрипачки. Флейтистки. Такой образ жизни для нас считался нормальным. Я не могла похвастаться отличными оценками, в школе не пользовалась популярностью, даже наоборот, но меня это устраивало. Лучше так, чем быть нормальной. Нормальность никогда меня не привлекала. Я хотела быть уникальной.

У нормальных людей есть друзья. У меня была музыка. Я ни в чем не нуждалась.

Сегодня же я лишена всего. Музыка преследует меня – я слышу ее, но больше не могу играть. Мелодии издеваются надо мной, ноты насмехаются уже одним своим существованием.

У меня по-прежнему остаются деньги, отложенные на консерваторию. Их более чем достаточно, но мне они так и не пригодились. То лето я провела в больницах: лечилась, проходила физиотерапию, училась брать монетки со стола, пока психотерапевты объясняли мне причину моего гнева.

Сейчас я добилась достаточной уверенности в руке и даже смогу, если постараюсь, отбарабанить что-нибудь на пианино, но как было прежде – как должно быть – уже не будет. Музыка должна литься, чтобы нельзя было понять, где заканчивается одна нота и начинается другая; в музыке должна быть грация, а в моей руке ее не осталось. Там только металлические шурупы,

поврежденные нервы, сломанные кости и никакой грации.

Сегодня воскресенье и мне некуда спешить. Обычно в эти дни не бывало свадеб, но по утрам я, если это требовалось, подменяла музыканта в лютеранской церкви. Нет, я не религиозна, просто оказывала услугу одной из маминых подруг. Днем я играла за большим роялем на верхнем этаже торгового центра, возле магазина «Нордсторм». А уже по вечерам исполняла настоящую музыку. И время от времени делала домашнюю работу.

Теперь домашняя работа – практически единственное, чем мне нужно заниматься в эти дни, поэтому я, как ни удивительно, ее делаю. Хотя по-прежнему не особо успешно.

Марго же весь день проводит возле бассейна до тех пор, пока ей не нужно собираться на работу. Мне загорать нельзя: для такой бледной кожи, как у меня, это вредно, да и я не люблю сидеть без дела на одном месте. Поэтому иногда обмазываюсь солнцезащитным кремом, заплетаю волосы в косу и плаваю в бассейне до одурения, пока руки уже не перестают шевелиться. Днем бегать я не могу, так что плавание – отличная альтернатива бегу.

Я как раз наворачиваю только двадцать пятый круг, когда поднимаю голову из воды и вижу стоящую у края бассейна Марго, а рядом с ней – Дрю Лейтона с вечной ухмылкой на лице. Я тут же потрясенно замираю – откуда он узнал, где я живу, – и только потом вспоминаю, что он заезжал за мной на прошлой неделе, чтобы отвезти на ту злополучную вечеринку.

Я разглядываю себя в толще воды и понимаю, что выбраться отсюда мне удастся нескоро. Не стану же я вылезать из бассейна, чтобы предстать перед ним мокрой и почти голой? В школу-то я, может, и хожу полураздетая, но почти голая и полураздетая – две разные вещи, и я не собираюсь доказывать ему эту разницу своим крошечным бикини. Вдобавок ко всему я без макияжа, но теперь ничего не поделаешь, остается смириться. Хватаю оставленные на бортике солнечные очки и отплываю, держась от Дрю как можно дальше.

– Я – тетя Насти, – представляется Марго, обращаясь к Дрю. – А вы двое, полагаю, уже знакомы. – Она поворачивается ко мне и многозначительно улыбается. С первого дня моей учебы здесь она твердит, чтобы я завела друзей и старалась больше развлекаться, так что все происходящее теперь вызывает у

нее неподдельный восторг. Дрю пускает в ход все свое юношеское очарование, которое наверняка сразило наповал не одну подозрительную мамашу. Вот только с Марго ему придется потрудиться. Она моложе и хитрее многих мамаш, к тому же привыкла, что с ней флиртуют. Она сразу раскусывает его. Тем не менее ее подозрительность смягчается желанием, чтобы я больше общалась. Поэтому Марго оставляет нас с Дрю наедине – уходит к своему лежаку и журналу «Космополитан». Но меня не проведешь. Я-то знаю, что она прислушивается, стараясь уловить каждое слово.

Если бы из-за своей степени оголенности тела я не была вынуждена сидеть в бассейне, то могла бы в большей мере насладиться этой ситуацией. Поскольку мы здесь не одни, Дрю не прибегает к своему излюбленному арсеналу двусмысленных намеков. Он скидывает ботинки, садится на бортик и опускает ноги в воду.

– Мне кажется, я достаточно наказан. Пора бы уже меня простить.

Я смотрю на него, не меняясь в лице. Ему придется приложить больше усилий, чтобы заслужить от меня какую-нибудь другую реакцию.

– За целую неделю ты ни разу не взглянула на меня. Это губит мою репутацию.

Что-то мне подсказывает, что даже ядерная бомба не сумеет уничтожить его репутацию, не говоря уже о недельном безразличии с моей стороны, но мне приятен его комплимент.

– Позволь мне загладить вину. Приходи ко мне домой на ужин. Сегодня.

Его предложение мгновенно будит во мне подозрение – уверена, это не скрывается от его глаз. Невинность не характерна для Дрю. Она нисколько не сочетается с откровенной сексуальностью, сочащейся из каждой его поры. Я встречаюсь с ним глазами в ожидании подвоха.

– Тебе даже не придется быть со мной наедине. На ужине будет вся моя семья.

Он думает, этого аргумента более чем достаточно. Но это не так. Я не против чужих родителей. В прошлом даже неплохо с ними ладила. Сейчас, скорее всего,

понравлюсь им меньше, но не родители меня беспокоят. А его сестра, к которой я на пушечный выстрел не подойду. Я и так у нее под прицелом. Она заприметила меня еще до непрошеного героизма Джоша Беннетта на школьном дворе, так что я не стану снова бросаться в эпицентр этой бури, придя к ним на семейный ужин с ее братцем под руку. Ни за что. Никогда. Это исключено.

– Не сомневаюсь, она с радостью к вам придет, – раздается из-за журнала мелодичный голосок Марго. Значит, не подслушивает, да? Мое открыто демонстрируемое осуждение терпит крах в считаные секунды. – Все равно я уйду на работу. Незачем тебе ужинать в одиночестве. – Вот уж спасибо, Марго. Я награждаю ее улыбкой, которую приберегаю для своих смертельных врагов. Она смотрит на меня – сама невинность, в глазах пляшет озорной огонек. Знает же, что загнала меня в угол. Будь проклят этот добровольный мутизм. Такое слово вообще есть? Не важно. Я качаю головой, но не могу отказаться вслух, тем более причины у меня нет, хотя наверняка можно было с легкостью придумать какую-то правдоподобную отговорку: домашняя работа, вынос суден в местном доме престарелых, холера. Увы, все они застревают у меня в горле. Остается только беспомощно наблюдать за тем, как судьба моего вечера решается моей назойливой тетушкой и самоуверенным мальцом. Марго известно, что дел на вечер у меня нет, а Дрю не позволит мне так просто отвертеться. В мгновение ока он вскакивает на ноги и уже бежит на выход, пока планы не изменились.

– Ужин в шесть. Я заеду за тобой в пять сорок пять. Оденься поприличней. Моя мама любит раз в неделю поиграть в высшее общество. – Он заговорщицки улыбается Марго. Понимает, что теперь обязан ей. Ни для кого не секрет: будь у меня выбор, я бы ни за что не согласилась. На себя я злюсь еще больше. Сама же вырыла себе яму. Решая перестать говорить, ты добровольно отказываешься от свободной воли. Интересно, что бы сказала Марго, узнай она правду о Дрю Лейтоне – сексуальном вулкане, в жертву которому меня только что принесла?

– Не вставайте. Выход я найду. Приятно было с вами познакомиться. – Он поворачивается ко мне: – Увидимся позже.

Эти слова звучат как угроза.

* * *

Если бы только Марго не услышала звонок в дверь, я бы проводила этот вечер в блаженном уютном одиночестве, как и задумывала изначально. И не оказалась бы сейчас, в пять часов дня, в неприятном положении, глядя на свой гардероб и стараясь сообразить, что же можно надеть на воскресный ужин дома у своего не-парня. Днем я то и дело откладывала это решение либо всячески пыталась придумать травму, которая позволит мне не идти на ужин.

Наконец, смирившись со своей судьбой, я отправилась на кухню, где до вечера пекла и покрывала глазурью трехслойный шоколадный торт. У мамы непременно нашлась бы парочка ласковых для меня, явись я в гости с пустыми руками, а кроме десертов, я больше ничего готовить не умею. Я откладывала неизбежный выбор так долго, как только могла. Но если я не хочу пойти завернутой в полотенце, мне все-таки придется подобрать себе наряд. Время поджимает.

Дрю, сдержав свое слово, стучится в дверь ровно в пять сорок пять. Я даже удивлена, что он просто не посигналил из машины, ожидая, когда я выбегу из дома. Ладно, на самом деле не удивлена. Как ни противно это признавать, но он обладает поразительно хорошими манерами. Видимо, они помогают ему быстрее забраться девчонке под юбку. С ним надо держать ухо востро.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Куботан – брелок с ключами для самозащиты в виде жесткого стержня из пластика, разработанный Сокэ Кубота Такаюки.

2

«Кулэйд» – название растворимого порошка для приготовления фруктовых прохладительных напитков.

Купить: https://tellnovel.com/milley_katya/more-spokoystviya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити